

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Т. ГОРЯНОВ

ВИЗАНТИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ПРИ ПАЛЕОЛОГАХ

До сих пор в научной литературе при изучении земельных отношений византийского феодального общества в первую очередь освещались вопросы аграрной истории, главным образом той эпохи, которую буржуазные историки называют „средне-византийским периодом“, причем основное внимание уделялось так называемым „мерам в защиту крестьянского землевладения“ императоров Македонской династии. Значительно меньшее внимание уделялось Византии ранней в период, который мы называем периодом рабовладельческой империи, и в период генезиса византийского феодализма. И почти вовсе выпадали из поля зрения исследователей вопросы развития византийского феодализма, крестьянского землевладения и форм феодальной зависимости в поздней Византии, аграрная история которой до самого последнего времени остается белым пятном, несмотря на наличие большого фонда изданных источников. В настоящей работе мы хотим сделать попытку проследить положение крестьянства в эпоху Палеологов, изменения в формах феодальной зависимости, представить материалы, которые, отнюдь не претендуя на полноту, послужили бы началом сложной работы по заполнению этого большого пробела в аграрной истории феодальной Византийской империи.

I. ХАРАКТЕР КРЕСТЬЯНСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Основным вопросом при анализе положения византийского крестьянства в позднее время является вопрос о характере крестьянской собственности. Разрешение этого вопроса решает вместе с тем и вопрос о характере крестьянской зависимости в период средне-византийского феодализма.

В своем известном исследовании Б. А. Панченко представил положения, которые характеризовали крестьянскую собственность. Так как они основаны преимущественно на изучении документов интересующего нас времени, то, естественно, мы не можем не рассмотреть их. Сущность этих положений Б. А. Панченко сводится к следующему.

По его мнению, несмотря на то что свободных от тягла крестьян не существовало в Византии, идея личной крестьянской собственности никогда не умирала в Византии и проходит через все крестьянские документы. Вотчина, как говорит Б. А. Панченко, состоит из земли, находящейся в непосредственном распоряжении феодала, и из крестьянских наследственных участков. По мнению Б. А. Панченко, и светские феодалы, и монастыри, и па́рики имели собственность на одинаковых

правах.¹ Эти взгляды Б. А. Панченко повторяет и развивает, рассматривая акты отдельных византийских монастырей. Рассмотрев акты, связанные с землевладением монастыря Лемвиотиссы, он приходит к выводу, что в этих документах нет ни общинного землевладения, ни безземельной массы крестьян в прониях, что через два столетия после Македонской династии крестьяне, как свободные так и зависимые от светских прониаров и монастырей, являются полными собственниками,² что вся территория монастырского села делилась на собственные дворы (стаσι) с землей париков и на terra indomīcata монастыря. По мнению Б. А. Панченко, ограничения в свободе распоряжения собственностью обусловлены не социально-правовым положением личности собственника, но тягловым характером земли.³ Запрещение продавать паричские стаσι прониарам и монастырям, по мнению Б. А. Панченко, вызывалось причинами податного, а не личного крепостничества, не нарушавшего якобы права личной и наследственной собственности зависимых париков. Прониары и парики, по схемэ Б. А. Панченко, пользовались одинаковыми правами отчуждения и распоряжения своими владениями.⁴ Даже пожалования земель монастырю и светским лицам в пронию не колебали, по этой схеме, наследственной или приобретенной собственности париков.⁵ Заканчивая свою работу, Б. А. Панченко писал, что „основной идеей аграрной истории Византии должна быть поставлена личная и наследственная (Ͼνική) собственность париков, казенных, вотчинных и прониарских“.⁶ Поскольку это является центральным вопросом при рассмотрении положения зависимого крестьянства в период поздне-византийского феодализма, нам придется подробно рассмотреть аргументацию Б. А. Панченко, проверить данные относящиеся к крестьянскому землевладению византийских актов и на этой основе сделать выводы о связи между характером крестьянской собственности и формами феодальной зависимости в поздней Византии.

Мы не имеем, конечно, возможности шаг за шагом следить за тем, как трактовал Б. А. Панченко каждый документ, который подвергался его рассмотрению. Для нашей цели будет вполне достаточно, если мы выберем из его работы несколько наиболее характерных примеров, относящихся к той или иной группе интересующих нас вопросов, и подвергнем их внимательному рассмотрению.

Приступая к анализу богатого фонда документов, относящихся к землевладению париков монастыря Лемвиотиссы, наш автор останавливается на описании хода тяжбы, долго тянувшейся из-за крестьянского хорафия некоего Спана. Речь шла о том, принадлежал ли этот участок крестьянину с. Вари, где находилось это поле, либо парику с. Приновари Спану. В результате длительного обследования было установлено, что спорный участок был огорожен межевыми знаками, что, к какому бы селу ни принадлежал его первоначальный собственник, он владел им на основе отдельной, независимой, не ограниченной никакими сроками собственности.⁷ Устранение же межевых знаков означало, по мнению Б. А. Панченко, включение хорафия Спана в общую территорию вла-

¹ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. София, 1903, стр. VII—VIII.

² Там же, стр. 140.

³ Там же, стр. 141.

⁴ Там же, стр. 143.

⁵ Там же, стр. 144.

⁶ Там же, стр. 233.

⁷ Там же, стр. 96.

дений монастыря Лемвиотиссы в с. Вари. Без всяких доказательств Б. А. Панченко утверждает, что парик был полным собственником спорного участка; это, как будто бы, можно видеть из того, что спорное поле было приписано к монастырскому селу, а не непосредственно к монастырю.

Спор, в разрешении которого участвовали многие чиновники и представители духовенства, окончился тем, что жители с. Приновари согласились на то, чтобы игумен своими руками вырыл межевые камни, означавшие границы поля, принадлежавшего Спану (σὺ αὐτὸς πεζεύσων ἰδίαις χερσὶν ἀποσπάσεις τὰς στηλάς τοῦ τοιοῦτου χωραφίου), и чтобы никто из жителей не имел бы никаких прав на этот участок (καὶ ὁ κρατῶν αὐτὸ οὐδεὶς ἔσται ἐξ ἡμῶν).⁸ Жители с. Приновари единодушно давали свидетельские показания о том, что спорное поле с давних времен принадлежало парикку того же села Спану (τὸ τοιοῦτον χωράφιον οἶδαμεν πρὸ χρόνων μακρῶν συμπαροίκου ἡμῶν εἶναι τοῦ ἐπιλεγομένου Σπανοῦ).⁹ Ни в одном из этих свидетельств мы не усматриваем оснований для вывода о том, что Спан владел этим участком на основе неограниченной временем собственности. Единственным аргументом у Б. А. Панченко являются межевые знаки, которые окаймляли спорный участок. Но ведь никто никогда не оспаривал того факта, что парики держали определенного размера наделы, которые территориально были разграничены один от другого. Дело не в этой разбивке наделов, а в отношении лица, державшего тот или иной надел, к крупному землевладельцу, будь то государство, светский феодал или монастырь. В другом месте Б. А. Панченко менее уверенно отмечает, что среди земель Вари не все участки принадлежали монастырю, что некоторые участки сохранили „признаки (подчеркнуто мною — Б. Г.) отдельной частной собственности“.¹⁰ Между тем в документе ясно указано, что до перехода к монастырю спорный участок принадлежал с. Вари, которое и было его собственником (ἔποκατέστησε εἰς τὸ δηλωθὲν χωρίον τὴν Βάρην).¹¹ Здесь идет речь, следовательно, не о том, на каких началах владел Спан этим участком (документ никаких сведений об этом не дает), а лишь о том, что это поле, которое было владением села в целом, после затянувшейся тяжбы перешло в окончательное владение к монастырю, что оно, таким образом, лишь переменяло своего владельца, причем крестьяне Приновари не смогли удержать за собой и этого и других выморочных участков в тяжбе с монастырем, во что бы то ни стало стремившимся округлить свои владения.

Излагая обстоятельства дела париков Гунаропулов, Б. А. Панченко сам приводит факты, свидетельствующие о том, что никакого права распоряжения своими участками эти парики не имели и, следовательно, ни о каком неограниченном праве собственности и речи быть не могло. Здесь сам Б. А. Панченко приводит характерное утверждение, что продажа спорной земли наследниками Гунаропула являлась бессмысленной, так как эта земля находилась во власти монастыря, должна была нести определенные повинности, т. е. была под тяглом (ὡς ὑπὸ παροίκων τελοῦσης).¹² Любимым аргументом Б. А. Панченко, посредством которого он хотел доказать неограниченную личную собственность париков на землю, является, как мы видели, утверждение, что под паричским тяглом состоял не парик, с его правом собственности, а земля парика. Но в этом же

⁸ Miklosich-Müller. Acta, IV, p. 189.

⁹ Ibid., p. 188.

¹⁰ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 95.

¹¹ Miklosich-Müller Acta, IV, p. 188.

¹² Ibid., p. 199.

документе совершенно определенно говорится, что под парикией в то время (1232 г.) состояла не земля париков, а сами парики (*ἐν τῷ χωρίῳ τῶν Μήλων προσκληθέντων Γουναροπούλων... ὑπὸ παρικίαν τελούντων αὐτῶ*).¹³ Димитрий Торник, рассматривавший это дело, постановил, что парики не могут продать своих участков лицам, владеющим землей на основе проники, ибо за налоги с этих участков они постоянно несут ответственность перед государством (*μὴ ὀφείλειν τοὺς ὑποτελεῖν πιπράσκειν τὰ παρ' αὐτῶν κατεγόμενα πρὸς τοὺς κατὰ λόγον προνοίας ἔχοντας αὐτὰ ὡς ὑπὸ τῆν τοῦ δημοσίου χεῖρα ἀεῖποτε τελούντα*).¹⁴

„Частная собственность, — пишет Б. А. Панченко, — упорно не уступала монастырской“.¹⁵ Однако мы не знаем ни одного случая, когда это упорство приводило бы к каким-нибудь результатам. Впрочем и наш автор тут же признает, что эта борьба между „началами свободного наследования“ и „сеньориальными правами“ всегда заканчивалась победой последних и в конце концов приводила к продаже земельных участков, за которые велась борьба, светскому феодалу или монастырю. О какой же личной, да еще неограниченной собственности здесь могла идти речь? Наш автор сам говорит и о стремлениях ограничить право париков распоряжаться своей „собственностью“. Именно, в указе 1234 г., поручавшем дукке Фракеийской фемы Константину Ласкарию описать владения с. Вари, прямо говорится, что император повелевает не позволять крестьянам делать каждому то, что ему хочется (*μὴ ἐλάσης τοὺς χωρίτας ἕνα ἕκαστον ποιεῖν, ὅπερ ἄρα καὶ βούλεται*).¹⁶ Далее в этом же документе ясно указывается, в чем состояли ограничения прав Гунаропула в распоряжении его участками. „Если Гунаропул хочет иметь этот воидатный участок, — говорится в простагме императора, — пусть он уплачивает причитающиеся с него налоги и остальные паричские повинности (*τελέσματα καὶ λοιπὰ παρικιὰ βάρη*). Если же не может ее сохранить, то ты (дукка фемы Константин Ласкарь — Б. Г.) должен передать монастырю эту воидатную землю и не позволить ему (Гунаропулу — Б. Г.) передать ее кому-либо из его родственников (*καὶ μὴ παραχωρήσης παραδοῦναι αὐτὴν πρὸς τινα συγγενῆ αὐτοῦ*).¹⁷ Может ли встретиться в византийском документе позднего времени более яркий отрывок, с подобной силой отвергающий теорию о свободном, неограниченном праве париков продавать свою землю, передавать ее по наследству и т. д.?

В требовании не выходить из тягла Б. А. Панченко видит главное ограничение крестьянской наследственной собственности.¹⁸ Мы видели, что дело не только в этом, что ограничена была правоспособность парика в распоряжении своим участком. И поэтому нет никаких оснований считать, что монастырь не отрицал за париками личной собственности, а лишь настаивал на сохранении тяглового характера населенной ими территории. Отрывать тягловый характер земельных участков от личных повинностей зависимых крестьян, характер крестьянской собственности от форм феодальной зависимости — значит строить отвлеченные схоластические схемы, которые не могут помочь распутать сложный узел земельных отношений поздне-византийского времени. В качестве одного из своих основных выводов Б. А. Панченко постоянно приводит положение о том, что личная зависимость парика совсем не имела места, что

¹³ Miklosich-Müller. Acta, IV, p. 199.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 100.

¹⁶ Miklosich-Müller. Acta, IV, p. 132.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 101.

не было прикрепления к земле, что парики могли жить и вне владений монастыря или светского феодала, лишь бы они платили установленные с них подати, чтобы монастырь не лишился своего дохода.¹⁹ И тут же приводит хрисовулл 1244 г., по которому предписывалось разыскать бежавших париков и водворить их на покинутых ими участках, к которым они были до этого прикреплены. Целью этого указа, по мнению Б. А. Панченко, было добиться единственно того, чтобы монастырь не лишился своего дохода. Однако место из документа о розыске париков, которое цитирует Б. А. Панченко,²⁰ не дает оснований для подобного вывода. Речь идет не только о сборе налогов. В заключительной части этого *όρισμός* ясно говорится о том, что „моя царственность желает, чтобы этот монастырь не лишился своих париков, но чтобы они были ему возвращены теми, у кого они находятся сейчас, по предъявлению этого повеления моей царственности“ (*θέλημα γάρ ἔχει ἡ βασιλεία μου μὴ στερηθῆναι τὴν τοιαύτην μοῦνην ἐνός τῶν τοιούτων παροίκων αὐτῆς, ἀλλ' ἀπολυθῆναι τούτους αὐτῇ παρὰ τῶν κατεχόντων τῇ ἐμφανείᾳ τοῦ παρόντος ὀρισμοῦ τῆς βασιλείας μου*).²¹ Речь идет, следовательно, не только о налоговом тягле в пользу монастыря-феодала, а о восстановлении личной зависимости париков, покинувших его владения.

Занимаясь изучением положения византийского крестьянства, Б. А. Панченко не мог пройти мимо актов Меникейского монастыря. Мы видели, что многие документы трактовались им неправильно, вследствие чего он приходил к ошибочным выводам о наследственной земельной собственности византийского крестьянства. Здесь же, давая общую оценку актам Меникейского монастыря, Б. А. Панченко сам вынужден признать, что „представляемый ими обильный материал дает выводы, в большинстве отрицательные для нашей задачи... мы наблюдаем в этих актах исключительное господство... крупного землевладения и зависимости крестьянства“. И далее он пишет, что меникейские акты „обнаруживают полное господство крепостного права. Крестьян не только приписывают к территории, упоминая их в числе угодий вотчины, но и отчуждают их с землею, повидимому, свободно“.²² Этот вывод, уничтожающий основные положения, выставленные Б. А. Панченко, объясняется тем, что среди меникейских документов имеется большое количество актов, относящихся к XIV в. Если бы Б. А. Панченко во всех других разделах своей работы обратил особое внимание на акты позднего времени, выдвинул бы их в особый период и поставил бы перед собой задачу проследить эволюцию крестьянского землевладения и форм феодальной зависимости в Византии, то он, может быть, пришел бы к единственно правильному заключению о том, что сказанное им об актах Меникейского монастыря можно расширить, распространить на все монастыри и светские владения позднего времени и, с некоторыми изменениями и поправками, справедливо считать общей линией развития в период поздне-византийского феодализма.

Но акты Меникейского монастыря могут дать нам значительно больше, чем извлек из них Б. А. Панченко. Прежде всего необходимо отметить целый ряд протастов относительно участка Моноспити, который принадлежал стратиоту Никифору Мартину и был пожалован Меникейскому монастырю Андроником Старшим в 1297 г.²³ Упоминание об этом же

¹⁹ Там же, стр. 106.

²⁰ Miklosich-Müller. Acta, IV, p. 262.

²¹ Ibid.

²² Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 193—195.

²³ Miklosich-Müller. Acta, V, pp. 88—89.

владении встречается также в хрисовулле Андроника II от 1321 г.²⁴ и в хрисовулле Стефана Душана 1345 г. Стратиот Никифор Мартин пытался сопротивляться передаче его участка монастырю. Возникло дело, длившееся в течение ряда лет и вызвавшее несколько интересных документов. Из сохранившихся трех актов по этой тяжбе первый носит подзаголовок простагмы № 6, подписанной уже Стефаном Душаном (πρόσταγμα ς' διὰ τὰ Μοναστήρια);²⁵ второй акт также Стефана Душана, № 7 (πρόσταγμα ζ' εἰς τὴν αὐτὴν ὑπόθεσιν)²⁶ и следующая простагма об этом же случае.²⁷ Никифор Мартин настойчиво несколько раз обращался с просьбами к высшей власти, чтобы ему вернули его небольшое владение (ἀγρίδιον). Однако все его просьбы оставались неудовлетворенными, и его участок неизменно подтверждался за Меникейским монастырем. За монастырем подтверждался также и ποσότης в 80 номисм, причем здесь снова отчетливо видно, что эта ποσότης является следствием уже ранее пожалованного Мартину владения (ποσότητα ἀπὸ τῆς οἰκονομίας),²⁸ что еще более отчетливо видно из другой простагмы (εἰς τὸ δηλωθὲν ἀγρίδιον ποσότητα τῶν λ' ὑπερπύρων).²⁹ Но нас интересует здесь не это. Данная серия документов наглядно показывает нам, как свободно распоряжалась в это время центральная государственная власть мелкими земельными владениями, которые были „личной собственностью“ их держателей. Следует иметь в виду, что владение Никифора Мартина было держанием феодального характера. Если он и принадлежал к разряду стратиотов, то, во всяком случае, к командному составу, что видно из того, что его имя постоянно сопровождается обозначениями οἰκέως τῇ βασιλείᾳ μου,³⁰ σεπτοῦ κυρίου Νικηφόρου τοῦ Μαρτίνου,³¹ πανσεπτοῦ σεπτοῦ οἰκείου τῇ βασιλείᾳ μου κῆρ Νικηφόρου τοῦ Μαρτίνου.³² Если лицо, принадлежавшее к командному составу, не могло добиться восстановления своего владения, которое постоянно в указах снова и снова (πάλιν) передается монастырю, то как же после можно говорить о „личной наследственной собственности“, которой якобы свободно могли распоряжаться парики.

В хрисовулле Стефана Душана Меникейскому монастырю от 1345 г. перечисляются владения в различных селах с прикрепленными к ним париками.³³ Нигде в этом документе нет и следов свободных крестьян или париков, которые в какой-либо степени могли распоряжаться своими участками. Все они находятся в полном распоряжении монастыря, который является полным хозяином, обладающим широкими правами иммунитета. Более полные сведения содержатся в другом хрисовулле Душана, год которого неизвестен и от которого сохранился только фрагмент — начало и конец документа отсутствуют. Мы встречаем в этом документе различные категории зависимого крестьянства, в том числе редко отмечаемые в актах категории πτωχοί, ξένοι. В отрывке хрисовулла перечислены парики с указанием состава семьи, площади пахотной земли и виноградника и размера уплачиваемой подати, причем размеры ее очень высоки. Они несколько выше общепринятых средних цифр, которые мы можем установить для поздне-византийского времени, и не

²⁴ Miklosich-Müller. Acta, V, pp. 94—97.

²⁵ Ibid., pp. 117—119.

²⁶ Ibid., pp. 119—120.

²⁷ Ibid., pp. 120—121.

²⁸ Ibid., p. 118.

²⁹ Ibid., p. 120.

³⁰ Ibid., p. 117.

³¹ Ibid., p. 119.

³² Ibid., p. 121.

³³ Ibid., pp. 111—114.

совсем укладываются в данные, выводимые на основе других монастырских актов.

Б. А. Панченко придавал большое значение документу, в котором было записано постановление по поводу тяжбы крестьян с. Меник с соседним землевладельцем Ахиллом Лименитом.³⁴ Он считал, что документ показывает нам село свободных (или казенных) крестьян, наследственных собственников своей недвижимости, ведущих тяжбу совместно и в полном составе. По его мнению, крестьяне имеют свою личную наследственную собственность и могут отчуждать ее навсегда, лишь соблюдая правила предпочтения „ближайших“ при продаже.³⁵ Право наследственной собственности крестьян (ἐπίοικοι) с. Меник Б. А. Панченко видит в словах документа πρὸς τοὺς ὅλους ἐπίοικους καὶ κληρονόμους τοῦ χωρίου Μένικος. Расшифровка κληρονόμους, которую хочет видеть Б. А. Панченко, является весьма спорной. Такими шаткими основаниями нельзя подкрепить и без того шаткую теорию, тем более, что в данном документе речь идет не о париках, а о крестьянах (ἐπίοικοι), которых Б. А. Панченко справедливо считает свободными, хотя без всякого основания ставит знак равенства между ними и государственными („казенными“, как он их называет) крестьянами, которые были зависимы, а отнюдь не свободны и всегда фигурируют в документах под названием δημοσιάρχιοι παρικοί.

Для подтверждения своей теории Б. А. Панченко прибегает к ἐγγράφῳ конца XII в.,³⁶ по которому два крестьянина с. Силлама, Лев Ставракиот и Константин Пселл, передали свои участки виноградников нотариусу Леонтию Оресту. Тем не менее и тут возникает вопрос, как можно считать этих крестьян имеющими право свободного распоряжения своими участками, если эта передача происходит с разрешения государственного чиновника, логариста Михаила Хрисоверга. В документе помещен текст распоряжения Хрисоверга³⁷ нотариусу Михаилу Лимениту, которым и была совершена передаточная запись. Б. А. Панченко высказывает предположение, что Хрисоверг был вотчинником с. Силлама, а крестьяне, продавшие участки, его париками.³⁸ В документе нет никаких данных, подтверждающих подобное предположение. Но если предположить, что Ставракиот и Пселл были париками Хрисоверга, тогда имеется еще менее оснований говорить о личной собственности крестьян, которою они могут свободно распоряжаться, в то время как они ничего не могут сделать без разрешения землевладельца, от которого зависят. Б. А. Панченко приводит, далее, λύσις Алексея III Ангела, подтверждающего передачу Патмосскому монастырю владений монастыря Нисин.³⁹ Эта территория, утверждает Б. А. Панченко, „должна была (разрядка моя — Б. Г.) содержать наследственные стаси казенных париков“.⁴⁰ Но опять-таки в документе нет ни одного слова, подтверждающего это предположение.

Можно было бы продолжить этот перечень отрывков из документов, относящихся к землевладению париков, которым Б. А. Панченко придает неправильное толкование, однако и приведенных нами примеров достаточно для того, чтобы с уверенностью сказать, что теория о личной наследственной собственности париков должна быть отвергнута.

³⁴ Ibid., VI, pp. 95—99.

³⁵ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 157.

³⁶ Miklosich-Müller. Acta, VI, pp. 124—127.

³⁷ Ibid., p. 125.

³⁸ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 157.

³⁹ Miklosich-Müller. Acta, VI, pp. 130—133.

⁴⁰ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 157.

II. ФОРМЫ ФЕОДАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Формы зависимости париков в поздне-византийское время были разнообразны. Они меняли свой характер, что отражено в названиях отдельных категорий зависимого крестьянства, которые мы рассмотрим ниже. Но, прежде чем перейти к этому рассмотрению, мы должны установить общий характер положения париков в поздней Византии.

Сейчас уже нет ученых, которые высказывали бы сомнения в том, что термин „парики“ обозначал положение зависимого крестьянина, прикрепленного к земле, которую он держит от светского или духовного землевладельца. Положение париков в буржуазной историографии наиболее четко было сформулировано Ф. И. Успенским: „Вторые (зависимые крестьяне — *Б. Г.*) обрабатывали чужую землю и находились в разных степенях зависимости от духовных и светских землевладельцев“.⁴¹ В другом месте, характеризуя положение зависимого крестьянина-парика, Ф. И. Успенский выражается еще более определенно, отмечая отдельные черты, из которых складывалась зависимость париков, указывая, что „ни отчуждать, ни передавать, ни самовольно уходить с участка парику не дозволялось“.⁴²

Развитие общественно-экономического строя Византийской империи, при всех своих особенностях, шло по линии прогрессирующего закрепощения непосредственного производителя. Этот процесс был в своих основных чертах завершен к концу XII в., и в эпоху Палеологов формы зависимости переходят в законченном виде. Мы можем, следовательно, сказать, что в Византии в период, когда в основном завершается построение феодальных отношений, основанных на прони и зависимости земледельческого класса, мы наблюдаем положение, при котором, как и во всех формах „...при которых непосредственный рабочий остается „владельцем“ средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный...“⁴³ В Византии, как и всюду, где можно наблюдать развернутые феодальные отношения, „...прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них (мелких крестьян — *Б. Г.*) только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее... Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, крепостная зависимость (*Hörigkeit*) в настоящем смысле этого слова“.⁴⁴

В поздней Византии положение париков характеризуется вполне сложившимися формами зависимости, характер которых не вызывает никаких сомнений.

Если мы посмотрим акты, относящиеся к концу истории Византии, то мы встретим среди них отчетливое противопоставление париков, как зависимых крестьян, свободным людям. В предельно отчетливой форме это выражено, например, в аргировулле деспота Пелопоннеса Феодора II Палеолога (1407—1443), в котором подтверждались привилегии и им-

⁴¹ Ф. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНПр., ч. 225 (1883), стр. 301.

⁴² Ф. Успенский и В. Бенешевич. Вазелонские акты. Л., 1927, стр. ХLI.

⁴³ К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 2; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. 2, стр. 352.

⁴⁴ Там же.

мунитетные права жителей Монебвасии. В этом документе приводится формулировка „будь то парики, будь то свободные“ (εἴτε παροῖκοι εἰσὶν εἴτε ἐλεύθεροι),⁴⁵ которая не допускает никаких других толкований.

Возвращаясь к более раннему времени, к первой четверти XIII в., мы видим, что в греческих центрах, образовавшихся на месте Византии, распавшейся на части после латинского завоевания, положение зависимого крестьянства определялось отношениями, сложившимися задолго до IV крестового похода. В грамоте эмирского деспота Феодора Ангела от 1228 г. о привилегиях церкви в Керкире, при перечислении хрисовуллов, которыми в прежние времена были определены права церкви, упоминается хрисовулл Мануила Комнина, по которому церкви в разное время были подарены 80 париков, а затем еще 120 париков (ἄνωρα παροίκων ὀδοθήοντα, ... ἄνωρα ἐκαστὸν εἴκοσι παροίκων... κατὰ διαφόρους καιροὺς δωρηθέντων τῇ ἐκκλησίᾳ).⁴⁶ Характерно, что эти дарения париков упоминаются рядом с дарениями так называемых агиодулов (ἄνωρα ἀγιοδύλων). Яркое выражение зависимости париков мы встречаем в известном хрисовулле трапезунтского императора Алексея Комнина монастырю Сумелы от 1364 г., которому парики передавались в „парикию и господство“ (εἰς παροικίαν καὶ διακράτησιν).⁴⁷

Формы зависимости византийского крестьянства были весьма различны, и это различие сохранилось и в поздне-византийское время, несмотря на то, что основной линией в развитии этой зависимости продолжало оставаться дальнейшее закрепощение крестьянства. Посмотрим, какие категории византийского крестьянства можно отметить в позднее время.

Прежде всего даже беглое рассмотрение подлежащих исследованию документов позволяет прийти к выводу, что парики и προσκαθήμενοι — две различные категории византийского зависимого крестьянства. Προσκαθήμενοι или παρακαθήμενοι: — это обычное название для крестьян, которые уже входят в сферу влияния крупного землевладельца или монастыря, уже подлежат определенному обложению, но еще не получили определенных земельных участков. Может быть, положение этой категории крестьянства лучше всего охарактеризовано в перечне 1263 г., составленном ἀπογραφεύς острова Родоса и Цикладских островов Львом Эскамматисменом. В этом документе отчетливо видно противопоставление париков и προσκαθήμενοι. В нем говорится о παροίκους, с одной стороны, и ὑποτελετάς τοὺς ἐν τοῦτοις προσκαθήμενοὺς κτήμασι, с другой стороны, т. е. о крестьянах, подлежащих уже обложению (ὑποτελεταί) и расселенных во владения монастыря, но еще не имеющих отведенных им наделов.

В актах позднего времени встречается категория крестьянства, обозначаемая термином ἐλεύθεροι. В ряде случаев монастыри, а также и светские землевладельцы получали право поселять на своих владениях свободных людей, которые иногда фигурируют как τῷ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοι, т. е. не записанные в государственные кадастры. Эта категория состояла из крестьян, которые не имели земельных участков и орудий производства и были вследствие этого свободны от государственных налогов и повинностей. Не будучи связаны с земельными участками, полученными ими от определенных феодальных владений, они имели возможность свободно передвигаться из одного владения в другое. Поселяясь на землях светских владельцев или монастырей, они продолжали пользоваться освобождением от налогов и повинностей до первого

⁴⁵ Miklosich-Müller. Acta, V, p. 173.

⁴⁶ Ibid., p. 15.

⁴⁷ Ibid., p. 278.

составления нового кадастра, когда они переводились на обычное состояние париков. Таким образом, ἑλευθεροὶ были переходным состоянием незначительной прослойки свободного крестьянства, еще уцелевшего в поздне-византийское время. Этого слоя становилось все меньше по мере развития процесса закрепощения византийского крестьянства и, чем ближе мы подходим к позднему периоду истории Византии, тем реже встречается упоминание этой категории в актах, относящихся к крестьянскому землевладению.

Монастыри и светские владельцы были заинтересованы в получении права селить τῷ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοί, и в тех случаях, когда они добились иммунитетных грамот, они требовали права распространить налоговые и другие льготы на будущих своих поселенцев. Такое право зафиксировано, например, в хрисовулле сербского царя Симеона (1365—1371) монастырю св. Георгия в Завлантии от 1366 г. Перечисляя права, предоставляемые им монастырям, Симеон отмечает право обращаться к царю, если они пожелают поселить в своих владениях неимущих людей, и обещает выдавать в этих случаях грамоты (καὶ οὐς μέλλωσι πτωχοῦς προσκαθίσει, ἀνεφρον δε καὶ πρρεκλήτευσαν τῇ βασιλείᾳ μου, ἵνα πορῶνται χρυσόβουλλον δι' ὀρκωμοτικῶ ταύτης).⁴⁸ Термин ἀνδρωποὶ ἑλευθεροὶ встречается также в уже рассмотренном нами хрисовулле Душана Меникейскому монастырю от 1345 г.⁴⁹ По этому документу монастырю разрешалось селить на указанных в акте владениях монастыря и во всех остальных местах (ἵνα ὅσους ἀνθρώπους ἑλευθεροὺς προσκαθίσωσιν εἰς τὴν εἰρημένῃ γῆν καὶ ἀλλαχού).⁵⁰ Сущность категории τῷ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοί, ἑλευθεροὶ отчетливо формулирована также в хрисовулле Стефана Душана Иверскому монастырю от 1346 г. Они обозначаются, как не записанные в кадастры во владениях и метохах монастыря (εἴπερ δὲ ἕτεροι τινες μὴ ἐν πρακτικῶς καταγεγραμμένοι προσκαθίσουσιν εἰς τινὰ τῶν τοιούτων κτημάτων καὶ μετοχῶν). В другом хрисовулле эта формулировка становится еще яснее, так как она поясняет рядом стоящий термин ἑλευθεροὶ. Такое сочетание мы находим в хрисовулле Душана афонскому монастырю св. Филофея от 1346 г. (ἑλευθεροὶ καὶ μὴ ἐν πρακτικῶς καταγεγραμμένοι),⁵¹ в его хрисовулле монастырю Эсфигмена⁵² сочетание ἑλευθεροὶ καὶ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοί,⁵³ εὐρισκόμενων παροίκων καὶ ἑλευθέρων в хрисовулле Душана монастырю Дохиара,⁵⁴ πτωχοί, ξένοι καὶ ἑλευθεροὶ во фрагменте практика Менокейского монастыря 1345 г.⁵⁵

В некоторых актах поздне-византийского времени мы находим отчетливое противопоставление терминов πάροικοι и ἑλευθεροί, например, в аргировулле деспота Пелопоннеса Феодора II Палеолога (1407—1443), по которому определялись права и привилегии граждан Монеивасии. Здесь, в разделе, в котором определялись привилегии, мы находим предоставление права выходить и входить во владения Монеивасии, будь то парики, либо свободные (εἴτε πάροικοι, εἴτε ἑλευθεροί). Из этого противопоставления мы можем определенно сделать вывод, сколь отчет-

⁴⁸ А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 254.

⁴⁹ Miklosich-Müller. Acta, V, p. 122; А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 4.

⁵⁰ А. Соловьев и В. Мошин. Назв. соч., стр. 50.

⁵¹ Там же, стр. 60.

⁵² Там же, стр. 100.

⁵³ Там же, стр. 114.

⁵⁴ Там же, стр. 170.

⁵⁵ Miklosich-Müller. Acta, V, p. 125; А. Соловьев и В. Мошин. Назв. соч., стр. 328.

ливо в языке византийских грамот позднего времени было различным понятие париков в отличие от свободных, еще не прикрепленных к земле и, следовательно, еще не приписанных к налоговому тяглу.

Для того чтобы вписать ξένους κχι ἀνεπίγνωστους в монастырские кадастры и перевести их, таким образом, на положение зависимых от монастыря париков, требовалось особое разрешение императора либо чиновника, сделанное по повелению императора. Об этом свидетельствует, например, одна недатированная простагма, относящаяся, очевидно, к середине XIII в.,⁵⁶ по которой разрешалось ввести προσκεκλήσιν ξένους κχι τῷ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστους во владения с. Вари и Паспара монастыря Лемвиотиссы, вписав их в списки лиц, подлежащих обложению, и предоставив им налоговые льготы наравне с остальными париками монастыря.⁵⁷

В 1235 г. стратопедарх Фока, по поручению императора, произвел перепись зависимых крестьян монастыря Лемвиотиссы. В переписи были обозначены и „пришлые“ люди, δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοι, поселенные здесь по указу, о котором только что была речь. Эти люди получили здесь землю или расчистили участки, подняв новь. Всего таких „пришлых“ в переписи было зафиксировано 7 дворов, причем, как и в отношении париков, здесь поименно перечислялись все члены семьи новых поселенцев.

Нам необходимо еще рассмотреть категорию зависимых людей, которые часто встречаются в наших источниках, под названием δουλοπάροικοι или πάροικοι δουλευταί. Г. А. Острогорский считал, что под этим названием фигурировали „сельскохозяйственные рабочие“, т. е. мистии (о которых мы скажем ниже), не имевшие своих наделов и занявшие место рабов, труд которых применялся в византийских поместьях в раннее средневековье.⁵⁸ Мнение Острогорского ошибочно: эта категория не имеет ничего общего с μισθιοι, наемными работниками.

Термин δουλοπάροικοι, πάροικοι δουλευταί, δουλευταί мы встречаем и в более раннее время, как, например, в хрисовулле Константина X от 1060 г., в котором он подтверждает привилегии, пожалованные монастырю св. Андрея возле Фессалоники Константином VII Багрянородным (912—959), по которым предоставлялись частичные освобождения от налогов ста πάροικοι и δουλοπάροικοι и Константином IX Мономахом (1042—1054).⁵⁹ В этом документе πάροικοι противопоставляются δουλοπάροικοι, из чего можно вывести заключение, что последние представляли собой иную категорию зависимых людей. Подобное же противопоставление πάροικοι и δουλοπάροικοι мы встречаем в хрисовулле Никифора III Вотаниата от 1079 г. монастырю τῶν Μελαγῶν, по которому этому монастырю передавались сто париков и дулопариков, освобождавшихся от налогов. В документе имеется особая оговорка, разрешающая монастырю увеличение числа зависимых людей. Увеличение это разрешалось только за счет детей и родственников дулопариков (οὐκ ἔλλοθεν ἀναπληροῦσθαι ὀφείλοντα τοῖς μοναχοῖς ἀλλ' ἢ τῶν παίδων καὶ ἐγγόνων τῶν προσκεκληρωμένων τῇ μονῇ δουλοπαροίκων).⁶⁰ Термин δουλευταί мы

⁵⁶ Б. А. Панченко относил этот указ к 1227 г. См. его работу — Крестьянская собственность в Византии. София, 1903, стр. 94.

⁵⁷ Miklosich-Muller. Acta, IV, pp. 248—249.

⁵⁸ G. Ostrogorsky. Agrarian Conditions of the Byzantine Empire. — The Cambridge Economic History of Europe, ed. by T. H. Clapham and Eileen Power, vol. I. Cambridge, 1942, pp. 219—220.

⁵⁹ Actes de Lavra, ed. G. Rouillard et P. Collomp, t. I, № 28. Paris 1937, pp. 73—75; G. Rouillard. Note de diplomatique byzantine. — Byzantion, VIII (1933), p. 119.

⁶⁰ G. Rouillard. Note de diplomatique byzantine. — Byzantion, VIII (1933), pp. 83—85.

встречаем в *πρόσταξις* Алексея I Комнина.⁶¹ По просьбе монахов этого же монастыря император предписывает сборщикам фемы заставить куманов Моглены, которые располагаются со своими стадами на пастбище *Πουζούκια*, принадлежащем Лавре, платить монастырю десятину и прекратить их неправильные действия по отношению к другим пастухам, валахам и болгарам, которых они освобождали от обязательств по отношению к монастырю. В документе содержится специальное указание, что *δουλοπάροικοι*, неправильно приписанные к монастырю св. Иоанна Протрома, будут переданы монастырю посредством особого *πράκτικον* с мельницей и изъяты от всех повинностей по отношению к фиску.⁶² В этом же документе параллельно с термином *δουλοπάροικοι* в отношении тех же зависимых людей применяется термин *δουλευταί*,⁶³ что ясно указывает на их полную идентичность. Здесь встречается еще термин *παροίκους δουλατάς*.⁶⁴ Издатели этих актов высказали предположение, что этот термин обозначает людей, прикрепленных к земле. Однако такое объяснение не вносит ничего нового в характеристику этой категории, так как парики и без того были зависимыми крестьянами, прикрепленными к земле светского владельца или монастыря.

Акты поздне-византийского времени позволяют нам более точно определить сущность этой категории зависимых людей. В хрисовулле 1228 г. эпирский деспот Феодор Ангел подтверждал митрополиту Георгию Варбану привилегии Керкирской церкви.⁶⁵ Здесь также мы видим явное противопоставление интересующей нас категории парикам (*οὔτε πάροικον... οὔτε δουλευτήν*).⁶⁶ Еще более явно различается это противопоставление в дальнейшем тексте документа, где говорится об определенном количестве жилищ париков и „так называемых *δουλευταῶν*“ (*εἶκοσι ὡς εἶναι ὁμοῦ ὅλας παροικικὰς οἰκίας καὶ τῶν λεγομένων δουλευταῶν οἰκίας τεσσαράκοντα τεσσαράς*).⁶⁷

В 1259 г. Михаил VIII Палеолог пожаловал хрисовулл монастырю св. Марии *Νέα Μονή* на о. Хиосе, в котором подтверждались права монастыря на все его владения, которые подробно перечислялись в этом документе. В акте особо оговариваются два принадлежащие монастырю дулопарика, причём приводятся их имена, что является единственным известным нам примером (*οἱ δύο δουλευτοπάροικοι αἱ ἐν τῷ Ἐμπορίῳ προσκαθήμεναι, ὃ τε Νικόλαος ὁ Εὐρυπώτης καὶ Γεώργιος ὁ Κάμαρος*).⁶⁸ Новый свет на характеристику этой категории зависимых людей проливает упоминание о четырех дулопариках, приобретенных монастырем у некоего Кодрата и размещенных на садовом участке в Платонии (*κῆπος ὁ λεγόμενος Πλατάνιον... μετὰ... τῶν ἀπὸ τοῦ Κωδράτου ἐξωνηθέντων παρὰ τῆς μονῆς καὶ τῶν ἐκεῖσε προσκαθήμενων δουλοπαροίκων τεσσαρῶν*). Тут же упоминается, что монастырь владеет этими дулопариками на основании *πράκτικον* (*οὗς ἔχει καὶ διὰ πρακτικοῦ ἢ μονῆς*).⁶⁹ Это место в данном документе показывает, что и в поздне-византийское время еще оставались остатки рабского труда, еще существовала торговля рабами, хотя примеры подобного рода и единичны. То, что эта категория резко отли-

⁶¹ G. Rouillard, op. cit., pp. 124—127.

⁶² G. Rouillard. La dîme des bergers valaques sous Alexis Comnène. — Mélanges Iorga, 1933, pp. 779—786.

⁶³ Actes de Lavra. Ed. par G. Rouillard et P. Collomp, t. I, Paris, 1937, p. 126.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Miklosich-Müller. Acta, V, pp. 14—15.

⁶⁶ Ibid., p. 14.

⁶⁷ Ibid., p. 15.

⁶⁸ Ibid., p. 11.

⁶⁹ Ibid.

чалась от париков, видно из того, что в этом же документе, в том месте, где говорится о привилегиях париков в отношении освобождения от налогов, эти *δουλευτοπαρικοι* вовсе не упоминаются. Это говорит лишь о том, что они были полной собственностью их владельца, в данном случае монастыря, и не могли выступать перед государством в качестве юридического лица даже в качестве налогоплательщиков.

Следует, наконец, отметить интересное сравнение, приводимое в переписи париков Патмосского монастыря, произведенной *ἀπογραφεὺς* Львом Эскатисменом в 1263 г. Говоря о находящихся во владениях монастыря *δουλευταί*, он поясняет, что они, как известно, называются париками (*..δουλευτῶν, οὗς παρικοὺς οἶδαμεν ὀνομάζεσθαι*).⁷⁰ Это наиболее яркий пример, когда *δουλευταί* так явно сближаются с *παρικοι*. Впрочем, это, конечно, говорит не об идентичности этих категорий, а лишь о представлении об усиливавшемся закреплении париков в поздне-византийское время.

Прежде чем перейти к категории производителей, стоящей вне пределов зависимого крестьянства, вернемся еще раз к дополнительной характеристике положения париков. Г. А. Острогорский утверждал, что земли зависимых париков были наиболее производительными из всех земельных владений. Это утверждение явно ошибочно. Особенно сильно ошибается Острогорский, когда заявляет, что между свободными крестьянами и париками не было „экономической или социальной пропасти, что экономически сравнение было не в пользу свободного крестьянства“.⁷¹ Положение свободных крестьян в поздней Византии, бесспорно, не было легким. Свободное крестьянство было обременено государственными налогами и многочисленными повинностями; ему постоянно угрожали захваты его наделов крупными феодалами. Но у свободного крестьянства оставалось в руках мощное оружие борьбы против крупного землевладения в лице крестьянской общины. Уже тот факт, что община, несмотря на все удары, которые она претерпела на протяжении ряда веков, уцелела и в поздне-византийское время, свидетельствует о том, какое большое значение она имела в жизни византийского свободного крестьянства. Византийское крестьянство не уступало без борьбы своих позиций; эта борьба в поздне-византийское время ширлась и углублялась и помогала ему сохранять свои условия существования, несомненно, лучшие, чем у зависимых париков. Да и совершенно необъяснимым было бы то энергичное сопротивление, которое оказывали свободные крестьяне закреплению зависимых париков крупными феодалами, если бы положение их было лучше положения свободных крестьян. Для русских византинистов, много работавших над изучением истории византийского крестьянства, было бесспорно, что положение париков было несравненно тяжелее положения свободных крестьян, организованных в общину, которая показала свою живучесть и устойчивость. И совершенно естественным в работе одного из учеников Ф. И. Успенского, начавшего исследовательскую работу еще в дореволюционное время и продолжавшего свою научную деятельность в области византиноведения в советское время, было высказанное им утверждение, основанное на всей предшествующей работе русских византинистов, о том, что более тяжелым (чем у свободных крестьян-общинников) было экономическое положение париков, не имевших своих земельных участков

⁷⁰ Miklosich-Müller, Acta, VI, p. 214.

⁷¹ G. Ostrogorsky. *Agrarian Conditions in the Byzantine Empire*.— Cambridge, Economic History, vol. I. Cambridge, 1942, p. 218 ff.

и находившихся в зависимости от крупных землевладельцев-феодалов.⁷²

Не менее тяжелым, чем на землях светских византийских феодалов, было положение зависимого крестьянства во владениях монастырей. Монастырские парики несли двойное бремя податей и повинностей: с одной стороны, своему владельцу-монастырю, с другой стороны — государству. Парики, жившие на монастырских землях, не имели права ни отчуждать свои участки, ни уходить с тех участков, к которым были прикреплены. Добиваясь прав экскуссии, церкви и монастыри получали освобождение от налогов и повинностей также и прикрепленных к монастырю париков. Но положение париков от этого несколько не облегчалось, так как монастыри собирали в свою пользу подати с зависимых крестьян и заставляли их выполнять многочисленные повинности, аналогичные тем, которые несли парики на землях светских феодалов.

Для характеристики положения крестьянства на монастырских землях много ценных материалов дает работа М. Ласкариса.⁷³ Опубликованная им грамота показывает, что к середине XIV в. Ватопедский монастырь собрал громадные владения, главным образом за счет разорявшегося мелкого крестьянства. Мелкие крестьяне, жившие по соседству с монастырем, не могли устоять в борьбе с монастырем, который поглощал их участки, а их бывших хозяев превращал в зависимых париков.

Как и на землях светских феодалов, парики монастырей зачастую не выносили гнета эксплуатации и поднимали восстания против своих владельцев. От 1336 г. сохранился указ Андроника III, предписывающий принять меры к тому, чтобы парики монастыря Лемвиотиссы прекратили сопротивление, платили бы налоги и выполняли все установленные повинности (τοὺς παροίκους ἐπὶ τῷ κατέχειν αὐτοὺς καὶ λαμβάνειν ἐξ αὐτῶν τοὺς ἐν αὐτῇ μοναχοῦς τὸ ῥηθὲν τέλος καὶ τὰ ἀπὸ τούτων ἀνήκοντα αὐτοῖς λοιπὰ παροικιακὰ δίκαια).⁷⁴

В свое время Н. Скабаланович, рассматривая известный хрисовулл 1244 г., по которому предписывалось разыскать и вернуть всех париков, ушедших из монастыря Лемвиотиссы, на прежние места их поселения,⁷⁵ указывал, что этот хрисовулл „признается частною мерой, имевшею временное значение“. Тут же он писал, что за париками оставалось право перехода из одного владения в другое „по крайней мере до XIII в.“ и что только в этом веке можно наблюдать стремление ограничить передвижение крестьян, которое, однако, не привело к созданию законодательного акта, запретившего крестьянские переходы.⁷⁶ Ни одно из этих утверждений не может быть нами принято. В XI и первой половине XII в. прония получает настолько широкое распространение, что становится преобладающей формой крупного феодального землевладения. Уже в это время прониары превращаются в хозяев крестьян, живущих в их владениях. Рост церковно-монастырского землевладения в это же время поглощает массы свободного крестьянства, превращающегося на землях монастырей в зависимых париков. К началу XIII в. вместе с окончательным оформлением фео-

⁷² И. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук. 1931, стр. 711.

⁷³ М. Ласкарис. Ватопедската грамота на царь Иван Асеня II. София, 1930.

⁷⁴ Miklosich-Müller, Acta, VI, p. 255.

⁷⁵ Ibid., IV, pp. 261—262.

⁷⁶ Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 267.

дальних отношений процесс закрепощения основной массы византийского крестьянства также следует считать вполне завершенным. Верно то, в отличие от ряда стран Западной Европы и, в более позднее время, Восточной Европы, мы не видим в Византии общегосударственного акта, которым оформлялось бы крепостное право, т. е. запрещались бы свободные переходы крестьян из одного владения в другое. Но абсолютно неверно то, что документ 1244 г. является единичным, и тем более то, что он имел характер „временной“ меры. Прежде всего мы уже отмечали, что это — не первый документ, из которого можно установить запрещение перехода париков и право владельца на розыск париков, ушедших со своих участков. В этих случаях византийское правительство в эпоху Палеологов неоднократно предоставляет в распоряжение крупных землевладельцев и монастырей всю государственную машину для розыска бежавших париков и водворения их на прежние места. Такие же документы мы отмечали и для XII в., а в XIII в. они стали обычным явлением, и все хрисовулы о пожалованиях земель или грамоты, подтверждавшие прежние пожалования, неизменно говорят о неограниченном праве владельца не только на его земли, но и на прикрепленных к ним париков. Мы не знаем, существовал ли в Византии общегосударственный акт, запрещающий в общем порядке крестьянские переходы. Судя по тому, что ни в одном документе рассматриваемого нами времени о подобном акте нет упоминания, его, очевидно, в Византии не было. Но это несколько не меняет положения, и в поздне-византийское время основная масса византийского крестьянства была полностью зависимой от крупного светского и церковно-монастырского землевладения. И лишь небольшим остаткам свободного крестьянства до конца византийской истории удалось избавиться от участи зависимых париков и в таком положении перейти в эпоху турецкого господства. Именно такую картину вполне отчетливо рисуют нам для позднего времени все имеющиеся в нашем распоряжении документы, относящиеся к крестьянскому землевладению.

Много интересного материала в изучение положения зависимых париков внес опубликованный Л. Пти хрисовул монастырю богородицы милостивой, данный ему Алексеем Комнином.⁷⁷ Этот документ был оценен французским ученым Platon в его исследовании о *προσίμησις*.⁷⁸ Он обратил внимание на содержащуюся в документе весьма интересную формулировку: «δίδωσι τοῖς μοναχοῖς καὶ παρῳίων ἐκχουσεῖαν ἐλευθερῶν καὶ ἀτελῶν μὴτε στάσεις ἰδίας ἐχόντων μὴτε δημοτελέσι προυποκειμένων δωδεκά: ὡς ἂν ἐργάζωνται τὴν προδωρηθεῖσαν τῇ μονῇ γῆν... καὶ δουλεύωσι τοῖς μοναχοῖς, μὴδὲνα ἕτερον δεσπότην ἐπιγινώσκοντες, ἀλλὰ παντὸς τέλους καὶ πάσης ζημίας ἐτιδε καὶ ἀγγαρείας καὶ ἐπιρῆας ἀπὸ πηλαγμένωσι».

Этот отрывок документа дает больше, чем многие другие грамоты, как современные ему, так и более позднего времени. Мы здесь встречаем совершенно отчетливое определение монастыря, как единственного владельца (δεσπότην) зависимых от него париков. Выражения здесь такие ясные, что не оставляют никаких сомнений в характере взаимоотношений между монастырем и его париками. Последние должны работать на монастырь (ἐργάζωνται τὴν προδωρηθεῖσαν τῇ μονῇ γῆν), находиться в полном подчинении у монахов (δουλεύωσι τοῖς μοναχοῖς), не зная никакого другого господина (μὴδὲνα ἕτερον δεσπότην ἐπιγινώσκοντες).

⁷⁷ L. Petit. Le monastère de Notre Dame de Pitié. Изв. Русск. Арх. Ин-та в Константинополе. VI (1900), стр. 1—46.

⁷⁸ M. G. Platon. Observations sur le droit de *προσίμησις* en droit byzantin. Paris, 1906, pp. 52—54.

Положение париков станет еще более ясным, если мы обратим внимание на формулировку *μητε γην ιδίαν ἔχοντες*, встречаемую во многих документах, как, например, в хрисовулле Алексея I Комнина Патмосскому монастырю от 1099,⁷⁹ Мануила I Комнина от 1145 г.⁸⁰ Платон объяснял эти термины тем, что император не жаловал монастырю иммунитета, освобождения от налогов и повинностей, которые должны были нести жители соседних деревень, или даже той же деревни, которые, имея вместо своей усадьбы недвижимые имущества, расположенные на других местах, независимые от монастыря, являлись на его земли. Документ, по мнению Платона, устанавливал общий порядок, по которому крестьяне этой категории, имевшие местожительство вне владений монастыря, не должны пользоваться правами экскуссии, предоставленной монастырю, и последний обязан был платить за таких крестьян установленные налоги.⁸¹ Такое объяснение этой формулировки не может нас удовлетворить. Термин *μη γην ιδίαν ἔχοντες* является дальнейшим развитием тех черт, которые обозначаются словами *ἐργάζονται τὴν γην, δουλεύουσι τοῖς μοναχοῖς* и подчеркивают, что поселяемые на монастырских владениях крестьяне поступают в полную зависимость от монастыря и не имеют своей собственности, пользуясь предоставляемыми им участками на началах парического держания, которое в любое время может быть отобрано монастырем и передано другому лицу.

Платон высказывал предположение, что вообще было запрещено расселение на землях монастыря париков, имевших местожительство где-нибудь в другом месте. Такой вывод он делает на основе термина *ἀδωρήτο*, встречающегося в указанной грамоте Мануила I Комнина (*παροίκων... οφειλόντων προσκαθῆσαι ἐπὶ τοῖς διαφέρουσι ταύτῃ κτήμασι... ἐλευθέρων μέντοι καὶ ἀδωρήτων καὶ μηδενὶ δημοσιακῶ ὑποκειμένων λειτουργήματι, μήτε πρακτικοῖς τε τοῦ δημοσίου ἀναγεγραμμένων, μήτε γην δημοσιακὴν κατεχόντων*).⁸² Такой вывод лишен всякого основания. Мы знаем, наоборот, что ряды париков как раз наиболее широко пополнялись за счет пришлых элементов, не записанных ни в какие кадастры, не имевших никаких земельных участков и не выполнявших никаких государственных повинностей (*μηδενὶ δημοσιακῶ ὑποκειμένων λειτουργήματι*). Подобного запрещения и быть не могло, ибо в этом случае монастыри и светские землевладельцы не имели бы возможности расширять число зависимых от них париков, в чем они были крайне заинтересованы. Если бы даже такое запрещение и имело когда-нибудь место, то крупные землевладельцы, светские и духовные, добились бы его отмены в поздне-византийское время, когда они обладали большой экономической мощью. Наоборот, в хрисовулле Исаака Ангела мы видим разрешение поселить во владениях монастыря шесть париков, которые должны были работать на монастырь, бывший, по выражению хрисовуллы, полным хозяином поселяемых париков (*παροίκων ἕξ προσκαθῆσαι ὀφειλόντων... καὶ ἐργάζεσθαι δεσποτικῶς διαφέρουσαν γην τῇ παρ' αὐτοῦ ἀνεγερθείσῃ μονῆ*).⁸³ Примеров подобных разрешений в документах позднего времени встречается очень много. Все они свидетельствуют о том, что никакого ограничения в расселении новых париков законодательство поздней Византии не знает, в том числе и относительно тех, которые ранее имели местожительство в другом месте.

⁷⁹ Miklosich-Müller. Acta, VI, p. 95.

⁸⁰ Ibid. pp. 104—105.

⁸¹ M. G. Platon. Op. cit., p. 91.

⁸² Miklosich-Müller. Acta, VI, p. 105.

⁸³ Ibid. p. 121.

В византийских грамотах встречается еще категория зависимых париков *ἀκτήμονες*, положение которых определяется словами *μὴ ἔχοντας ἰδίαν ὑποστάσεις* или *οἰκείας ὑποστάσεις*, т. е. не имевших ни своих земельных наделов, ни рабочего скота, ни сельскохозяйственного инвентаря. В позднее время эта категория париков пополнялась, главным образом, за счет обезземеленных крестьян, лишившихся своих участков вследствие захвата их крупными землевладельцами или монастырями и покинувших свои прежние местожительства, чтобы в другом месте (*ἀλλαγῶ*) найти средства к существованию. Как показал в своем исследовании Ф. И. Успенский, наиболее выразительный документ, где *ἀκτήμονες* не только упоминается, но где дается их определение, как особой категории населения, — это окладной лист города Лампсака.⁸⁴ Поселяясь на новых местах, эти *ἀκτήμονες* не сразу превращались в зависимых крестьян, несущих повинности, а некоторое время пользовались налоговыми льготами и освобождением от натуральных повинностей. Эта категория служила источником, за счет которого удовлетворялась потребность в рабочих руках во владениях светских владельцев и монастырей.⁸⁵ Мы имеем показания о том, что монастыри стремились получить от правительства права принимать в свои владения *προσκαθημένους ἀυποστάτους πτωχοὺς καὶ ἀκτήμονας*.⁸⁶ Монастыри, поселяя *ἀκτήμονες* на своих землях, наделяли их инвентарем и, постепенно ликвидируя все их временные льготы и привилегии, переводили их на обычное положение париков. Подобное же явление происходило и на землях светских феодалов. Актимоны обрабатывали землю волами владельца, в противоположность тому разряду париков, которые имели своих волов и назывались зевгаратными или воидатными. Актимоны сохраняли свое право перехода во владения других феодалов до того момента, пока не переводились на положение крепостных париков.

Еще в хрисовулле Алексея I Комнина, при передаче Лавре проастия Варзахания, было предложено произвести опись с целью установить, какое количество париков в этом владении принадлежало к категории зевгаратных, воидатных или актимонов (*εἴτε ζευγαράτοι εἴτε βοϊδάτοι εἴτε ἀκτήμονες*).⁸⁷

Категория актимонов прослеживается во всех почти описях монастырских владений. Экономическое положение актимонов характеризуется в этих описях уже тем, что они стоят на низшей ступени в шкале налогового обложения. Так, например, в описи Патмосского монастыря, при средней норме обложения зевгаратных париков в $3\frac{1}{2}$ —4 номисмы, актимоны должны были уплачивать всего $\frac{1}{2}$ номисмы налогов.⁸⁸ На категорию *ἀκτήμονες* указывал и Феррари в комментариях к изданным им образцам составления византийских грамот. По его мнению, *ἀκτήμων* является обыкновенно в грамотах синонимом *ἐναπόγραφος* (*adscripticius*, т. е. колонна, лишенного своего имущества и привязанного к земле) в противоположность свободному колону.⁸⁹ Само собой разумеется, это сравнение с колоннами, как с категорией зависимых людей, давно уже исчезнувшей, лишено основания.

⁸⁴ Tafel u. Thomas. Urkunden, II, Wien, 1856, p. 203.

⁸⁵ Ф. И. Успенский. Акт отвода земли монастырю Богородицы милостивой. Изв. Русск. Арх. Ин-та в Константинополе, I (1896), стр. 5—6.

⁸⁶ K. H. Sathas. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη, I (1872), pp. 312—313.

⁸⁷ G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavra, I. Paris, 1937, p. 139.

⁸⁸ Miklosich-Müller. Acta, VI, p. 7.

⁸⁹ G. Ferrari. Formulari Notarili inediti dell'età byzantina. Estratto dal Bulletin dell'Istituto Storico Italiano, n. 33. Roma, 1912, p. 82.

Ошибкой Феррари является также и то, что он ставит знак равенства между *ἀκτημόνες* и *ἄποροι*; последние были особой категорией зависимых париков, с чертами, отличающими их от актимонов.

Как и актимоны, апоры (*ἄποροι*) были категорией неимущего, обезземеленного крестьянства. Термин „апоры“ регистрируется в Византии в очень раннее время и фигурирует уже в „Земледельческом законе“. Это были бедняки, не имевшие средств для обработки своих участков и вынужденные отдавать их для обработки другим членам общины на условиях получения половины урожая, а иногда и уходить в другие места.⁹⁰

Мы имеем очень мало сведений о других категориях производителей. Однако нам известно, что во владениях светских землевладельцев и монастырей применялся труд наемных работников, *μισθιοι*. В поздне-византийское время наемные работники, занятые в сельском хозяйстве, не имели земельных наделов, жили в поместьях крупных землевладельцев и монастырей и выполняли все сельскохозяйственные работы, причем использовались они, главным образом, на домениальной земле поместья. Встречаются случаи, когда для этих *μισθιοι* имелись специальные помещения. Так, например, об одном таком помещении говорится в описании проастия Темения Патмосского монастыря Иоанна Богослова. Как говорится в этом описании, это было выстроенное из камня помещение, предназначенное для размещения мистивов (*λιθόκτιστον, χρηματικόν εἰς καταμονὴν μισθίων*).⁹¹ Интересно, что еще Алексей I Комнин запретил Патмосскому монастырю поселить на его землях новых светских людей на паричском праве, но разрешал использовать наемных работников, однако только холостых, живущих без жен и не имеющих детей (*μὴ συγχωροῦντες τισὶ τῶν λαϊκῶν λόγῳ παροικίας ἐγκατοίκους ταύτη γίνεσθαι, ... μόνοι γάρ... ἐγκατοικήσουσιν οἱ μισθαρνοῦντες τοῖς μοναχοῖς, καὶ οὗτοι ἄζυγοι, καὶ μὴτε γυναῖκα συνοικοῦντες, μῆτε μὴν παῖδας ἔχοντες*).⁹²

Имеются некоторые документы, которые позволяют установить условия труда этих наемных работников. Так, например, типик Христодула Латрина для Патмосского монастыря Иоанна Богослова устанавливал, что свободные наемные работники работали в зданиях (очевидно, в качестве работников по уходу за монастырскими помещениями) и в мастерских монастыря (*ἐν ταῖς οἰκοδομαῖαις καὶ διηνεχῶς ἐν ταῖς τῆς μονῆς ἐργαστικαῖς δουλείαις*). Они должны были работать пять дней в неделю всюду, куда их назначат кафигумен или эконоμ монастыря, и лишь в пятницу вечером могли отправляться домой (*προσεδρευέτωσαν... εἰς τὰς τῆς μονῆς δουλείας... ἐκάστης ἑβδομάδος ἡμέρας πέντε, κατὰ δὲ τὴν τῆς παρασκευῆς ἑσπέραν λαμβάνοντες εὐλογίαν ἀπιέτωσαν ἐν ταῖς οἰκίαις αὐτῶν*).⁹³ В этом типике также повторяется, что на работу в монастыре принимаются лишь холостые наемные работники, без жен и детей. Здесь приводится правило, что если среди наемных работников (*τῶν λαϊκῶν*) кто-нибудь будет обнаружен с женой или вообще с какой-либо женщиной (*ἢ τινὶ ἄπλωι γυναίκα*), то немедленно будет удален с острова, на котором расположен монастырь (*αὐτίκα τοῦτον καὶ τῆς νῆσου παντελῶς ἐκβάλλεσθαι*).⁹⁴

В 1263 г. *ἀπογραφαίς* островов Родоса и Кикладских, уже упомянутый нами Лев Эскамматисмен произвел перепись зависимых людей

⁹⁰ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Виз. сб., М.—Л., 1945, стр. 123.

⁹¹ Miklosich-Müller. Acta, VI, p. 38.

⁹² Ibid.

⁹³ Ibid., pp. 67—68.

⁹⁴ Ibid., p. 68.

во владениях Патмосского монастыря Парфениона, Темении и на острове Косе. После поименного перечисления париков по каждому из этих владений в акте упоминаются также и принадлежащие монастырю мистии (*ἐν τοῖς τοιοῦτοις κτήμασι προσκαθημένων μοναχῶν μισθίων*).⁹⁵

Мы ничего не знаем об условиях оплаты труда наемных работников. Имеются сведения лишь о том, что в отдельных случаях мистии, занятые в светских или монастырских владениях, получали за свой труд натуральную оплату. Так, в акте о дарении Патмосскому монастырю, совершенном неким Константином Пафнутием, упоминается об анноне мистия (*τῆς ἀννόνας τοῦ μισθίου*).⁹⁶ В составленном иеромонахом Нилом типике монастыря св. Марии на о. Кипре говорится, что в обязанности эконома входит заботиться о всех служащих монастыря и мистиях и выдавать каждому причитающееся ему вознаграждение натурой (*πάντας τοὺς διακονητάς καὶ μισθίους καὶ δίδοναι ἑκάστῳ τὸ ἀναλογοῦν σιτηρέσιον*).⁹⁷

Мы видим, таким образом, что поздне-византийское время знало целый ряд категорий зависимого крестьянства, целый ряд форм феодальной зависимости. Эти категории, сохранившиеся в позднее время, позволяют проследить эволюцию феодальной зависимости византийского крестьянства. Основной линией этой эволюции было закрепощение крестьянства, и в поздне-византийское время подавляющее большинство его находилось на положении париков. Основная масса византийских париков находилась на землях светских феодалов и монастырей. Сохранялись еще, правда, владения, находившиеся в непосредственном распоряжении императорского фиска. Но эти владения уже давно составляли незначительную часть земельного фонда империи, а в позднее время они сохранились лишь в виде исключения и по своей территории не играли почти никакой роли в аграрных условиях Византийской империи. Кроме того, даже те небольшие владения, которые формально числились еще за императорским фиском, в большинстве случаев находились в аренде у соседних крупных землевладельцев. Формы этой аренды были таковы, что она превращалась почти в полную собственность арендаторов, и владение именными, сданными в аренду императорским фиском, носило исключительно номинальный характер. Парики, жившие на этих землях, носили название „государственных“ (*δημοσιάριοι πάροιχοι*).⁹⁸

Мы видели, что расширение феодальных владений на основе прониции влекло поглощение участков мелкого крестьянства. Распадались, однако, не только мелкие крестьянские владения, но и владения мелкой землевладельческой феодальной знати. Г. А. Острогорский ошибочно объясняет это явление тем, что „более легкая жизнь в привилегированных крупных владениях влекла туда как сильно эксплуатируемых свободных крестьян, так и обремененных государственными налогами и повинностями париков из владений мелкой феодальной знати“.⁹⁹ Это же положение он повторяет в еще более категорической форме в статье для Кэмбриджской экономической истории Европы — „... является безоспорным фактом, что парики в крупных и более привилегированных владениях были в значительно лучшем положении, чем в мелких

⁹⁵ Ibid., p. 216.

⁹⁶ Ibid.; p. 134.

⁹⁷ Ibid., V, p. 413.

⁹⁸ См., например, *χρίσμινη γραφή ἀποκαταστατικῆ* владения Сфурна: Miklosich-Müller. Acta, IV, pp. 38, 40.

⁹⁹ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Reiches. München, 1940, S. 344.

владениях, лишенных привилегий... парики более крупных владений, имевших больше рабочих, могли обращать главное внимание на обработку собственных участков, как только их труд был менее необходим на земле владельца... Положение париков, чьи владельцы имели иммунитет, было, несомненно, более благоприятным, нежели свободных крестьян... Парики, которые наталкивались на полную силу требований как частного землевладельца, так и государства, были в совершенно другом положении. Ясно, что они пытались переселяться в привилегированные поместья". Этим, по мнению Острогорского, объясняется, почему мелкие владения повсюду пришли к краху, и почему непривилегированные большие поместья росли медленнее, в то время как процветали лишь очень крупные поместья, снабженные правами иммунитета.¹⁰⁰ Нам уже приходилось указывать на ошибочность этой точки зрения. Мы отмечали, что все доступные нам показания источников противоречат утверждению о лучшем положении париков на землях землевладельцев, что это утверждение противоречит многочисленным сообщениям историков и показаниям актов, рисующих картину безудержной эксплуатации и налогового гнета, которым подвергались парики на землях крупных феодалов.¹⁰¹ И если, действительно, значительное число париков с государственных земель или с земель мелкой феодальной знати оказывались порою, как мы это видим в поздне-византийское время, во владениях крупных феодалов, то это происходило вовсе не потому, что они стремились туда, прельщаясь лучшими условиями существования. Расширение числа зависимых крестьян во владениях крупных византийских земельных магнатов являлось прямым следствием захватов ими земель мелкой знати и больших пожалований из государственного земельного фонда, которые приняли такие широкие размеры в эпоху Палеологов. Захваты владений мелкой знати, как мы это установили в приведенных нами примерах, участились в поздне-византийское время, превратились в обычное явление, характерное для эволюции поздне-византийского феодализма. Поскольку среди мелкой византийской знати было значительное количество командного состава армии, отдельные представители династии Палеологов пытались приостановить этот процесс. Однако все меры, принимавшиеся в защиту землевладения этой прослойки феодального класса, давали на практике не больше результатов, чем меры, которыми время от времени Палеологи пытались оградить интересы мелких крестьян-землевладельцев и особенно владельцев стратиотских участков.

Стратиотские владения подвергались в поздне-византийское время таким же сильным ударам со стороны крупного землевладения, как и участки свободных крестьян. П. Мутафчиев указывал, что стратиот был свободным человеком, что его звание было несовместимо с положением парика.¹⁰² Документы противоречат подобному утверждению. Сам же Мутафчиев упоминает об одной простатге Патмосского кодекса, в которой имеется распоряжение перевести несколько стратиотов острова Кос на положение париков.¹⁰³ В простатге поименно перечисляются стратиоты, переводимые на положение париков (*ἀπεστρατεύσαντες τοὺς παύτους*).

¹⁰⁰ G. Ostrogorsky. *Agrarian Conditions in the Byzantine Empire*. Cambridge Economic History, vol. I, Cambridge, 1942, pp. 222—223.

¹⁰¹ Б. Горянов, Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. — Вопросы истории, 1945, № 3—4, стр. 141—142.

¹⁰² П. Мутафчиев в. Войнички земи и войници въ Византия прѣзь XIII—XIV вв. София, 1923, стр. 31.

¹⁰³ Miklosich-Müller. *Acta*, VI, p. 53.

Земельные участки стратиотов не находились в их неограниченном распоряжении. Наоборот, законодательство ставило всякие преграды отчуждению этих участков как в целом, так и по частям (*μέριδες*). Эти отчуждения, как и продажа, дарение воинских участков считались недействительными. Основные положения относительно неотчуждаемости воинских участков были установлены еще Константином VII Порфирородным (912—959) и дополнены Романом II (959—963) и Никифором II Фокой (963—969). Эти положения действовали и в поздне-византийское время. Законодательство, ограничивавшее отчуждение стратиотских участков, имело целью оградить эти владения от поглощения их крупным землевладением. Но в позднее время в задачи *ἀπογραφαῖς* при переписи крупных владений и составлении *πρακτικά* входило проверить владельческие права и восстановить незаконно захваченные стратиотские участки. *Ἀπογραφαῖς* получали указания пополнять воинские участки до установленного минимума. Как сообщает Кантакузин, они отнимали лишнюю землю „от тех, которые имели много, и передавали другим, которые имели мало“.¹⁰⁴

Но при Палеологах византийское правительство было не в состоянии приостановить процесс распада стратиотских участков и захвата их крупными землевладельцами. Отдельные императоры династии Палеологов делали попытки вести борьбу с подобными захватами, но эти попытки неизменно заканчивались провалом. Пахимер рисует яркую и отчетливую картину гибели системы стратиотских участков. Он говорит о частых их захватах (*ἐπειδὴ γὰρ οἱ μὲν πολλοὶ τῶν στρατιωτῶν καιρῶν πολλὰκι: λαβόμενοι*), за счет которых сановники, бывшие одновременно крупными землевладельцами, увеличивали принадлежавшие им проиарные владения (*προσηῦξον τὰς οἰκείας προνοίας*).¹⁰⁵ Пахимер глубоко понимает вред этого явления, говоря, что подобные захваты создавали трудности владельцам стратиотских участков, создавали препятствия для выполнения их воинских обязанностей (*τοῦ στρατεύεσθαι κώλυμα*) и причиняли большие бедствия как им, так и государству (*ἦν ἀμφοτέρωθεν τῷ κοινῷ ζημία*).¹⁰⁶ Иоанну Тарханиоту было поручено принять меры к исправлению ущерба, наносимого стратиотам знатью, но эти меры не имели никакого успеха. Таким образом, уже к концу XIII—началу XIV в. система стратиотских участков была почти полностью разрушена. Нужно учесть при этом, что полувековое господство латинян губительно отразилось на этой системе, и все стремления Палеологов восстановить ее разбивались в поздне-византийское время о сопротивление всесильных крупных землевладельцев.

Мы уже проследили на изученном материале правовое положение париков, в позднее время находившихся в полной зависимости от светских феодалов и монастырей. Между крестьянством и монастырским землевладением велась постоянная борьба. Ее вели монахи крупных монастырей и парики соседних крупных землевладельцев, а также соседние свободные крестьяне. Постоянно возникали споры и недоумения по поводу отдельных спорных смежных земельных участков. В простагме, направленной дукке Фракесийской фемы Фоке Авториану (по всем признакам середины XIII в.),¹⁰⁷ имеются интересные сообщения о столкновениях между монахами монастыря Лемвиотиссы и париками

¹⁰⁴ Cantac., II, 62.

¹⁰⁵ Georgii Pachymeris. De Andr. Pal., III, 25, ed. Bonn., p. 258.

¹⁰⁶ Ibid., p. 258.

¹⁰⁷ Miklosich-Müller. Acta, IV, pp. 257—258.

соседнего феодала — паракимомена τῆς μεγάλης σφενδόνης Иоанна Дуки Нестонга, жившими в его владении Приновари. В документе сообщается, что парики Нестонга явились в хлев монастыря и требовали у находившегося там монаха сыру. Когда последний отказался дать им сыру, они нанесли ему такой удар палкой по голове, что он вскоре скончался (ἐκρούσαν αὐτῷ ῥάβδῳ κατὰ κεφαλῆς, καὶ παραυτίκα ἐπέλευσθησε). В другой раз несколько париков Нестонга явились в принадлежавший монастырю виноградник, и когда в нем появился кафигумен с монахами, который обратился к парикам с требованием уйти из монастырского виноградника, они осыпали его насмешками (ἔδωκαν αὐτῷ μετὰ λαντζονίου). Через некоторое время парики ранили иеромонаха Григория и эконома монастыря, затем увели ночью несколько животных, принадлежавших монастырю. Причина этих столкновений между монахами и соседними париками не указана. Как видно из других документов, часть которых мы рассматривали, крестьяне, жившие по соседству с крупными монастырями, находились под постоянной угрозой захвата их участков, причем власти всегда в этих случаях становились на сторону монастырей. Так и здесь монахи добились специальной императорской простагмы, в которой предписывалось оградить монахов от всяких нападений со стороны париков. Следующий документ (σημείωμα), составленный на основании этой простагмы хартофилаксом Смирнской митрополии Георгием Хрисовергом,¹⁰⁸ еще более подробно останавливается на столкновениях между монахами монастыря Лемвиотиссы и париками Нестонга. Для разбора дела, изложенного в отмеченной нами простагме, было созвано специальное совещание. Уже одно это может свидетельствовать о том, какое значение придавали гражданские и церковные власти выступлениям крестьян Приновари против монастыря. На совещании присутствовали видные чиновники, монахи монастыря, епископ, эконоμ, а со стороны паракимомена Нестонга (ἀπὸ τοῦ μέρους τοῦ παρακοιτωμένου) — его священник, сборщик налогов и ряд других представителей аппарата управления владениями Нестонга. На собрании прежде всего была зачитана императорская простагма (πρῶτα μὲν ὑπαγεγνώσθη τὸ βῆλον καὶ βασιλικὸν προσταγμα). Выслушанные затем монахи не только подтвердили все факты нападений париков Нестонга на их владения, но добавили еще много других фактов крестьянских выступлений, причем даже называли имена участвовавших в них париков. Сообщалось о том, что крестьяне напали на склад монастыря и разграбили в нем зерно и оливковое масло. Когда укравшие эти продукты были обнаружены, крестьяне не только укрыли виновных, но и защищали их и с насмешками прогнали явившихся к ним монахов. В другой раз крестьяне подожгли виноградник монастыря и грозили мечами (μετὰ μαχαίρας) прогнать монахов, явившихся тушить пожар. Представители Нестонга отрицали обвинения монахов против его париков. Тем не менее, обвинения, изложенные в простагме, были подтверждены.

III. НАЛОГОВОЕ ОБЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Византийское крестьянство было обременено большим количеством натуральных повинностей, повинностей барщинного характера и тяжелым грузом налогового обложения. Последнее мы рассмотрим в этом разделе. Прониары к поздне-византийскому времени приобрели широкие права сбора налогов с зависимого от них крестьянства. Это в поздней

¹⁰⁸ Miklosich-Müller. Acta, IV, pp. 258—260.

Византии было основным видом ренты, уплачиваемой париками своим феодалам. Размер этой ренты обычно обозначался в документах термином *τέλος*, *ἐνοικιακὸν τέλος*¹⁰⁹ или *οἰκιακὸν τέλος*.¹¹⁰ В грамотах об экскусии, в формуле *παντος τέλους και βάρους* мы видим противопоставление *τέλος* основной формы денежной ренты — *βάρος*, обозначавшему совокупность феодальных повинностей, которые несли зависимые крестьяне. *Τέλος* в основном складывался из *καπνικόν*, *σιταρχία*, *ζευγαράτικων*.¹¹¹ Мы не будем здесь останавливаться на подробностях налогового обложения крестьянства, поскольку оно основательно изучено в специальной литературе. Мы рассмотрим здесь лишь общие условия этого обложения и, главным образом, покажем, как они отражались на византийском крестьянстве.

Огромное количество сохранившихся запродажных актов, по которым мелкие крестьяне-землевладельцы продавали свои участки соседним монастырям, как нельзя более ярко свидетельствует о том, что крестьяне разорялись под ударами крупного землевладения и вынуждены были продавать крупным землевладельцам и особенно монастырям свои земельные участки. Это отнюдь не является показателем особой „набожности“ византийского крестьянства, за счет которой многие буржуазные историки любили объяснить эти многочисленные передачи земель монастырям. Это явление может быть объяснено лишь исключительно тяжелым экономическим положением византийского крестьянства. Подобное объяснение представляется нам тем более убедительным, когда мы сравним количество этих актов в позднее время с более ранним периодом. Мы увидим, что количество это в позднее время возрастает, хотя актов XV в. до нас дошло сравнительно мало. И это ни в коем случае нельзя отнести за счет того, что от раннего времени могло дойти меньшее количество документов, так как для X—XII вв., с которыми, в данном случае можно делать сравнение, актов другого характера сохранилось большее количество.

Интересным документом, свидетельствующим о тяжести налогового обложения византийского крестьянства, является письмо жителей района Дидимотики о сборщике налогов Николае, адресованное правителю Фессалоникской фемы Апокавку, о котором в своем историческом произведении упоминает Иоанн Кантакузин.¹¹² В своем письме жители Дидимотики бичевали все пороки византийской налоговой системы. В письме рисуются нравы византийского финансового ведомства, где должности областных *ἀπογραφείς*, налоговых сборщиков и других агентов фиска доставались путем происков, подкупов и взяток. „В результате подобной деятельности, — пишут жители Дидимотики, — ты наполнил государство ромеев человеческой кровью (*ὡς αἱμάτων μὲν ἀνθρωπίνων ἐπέπλησας τὰς πόλεις πάσας Ῥωμαίων*).¹¹³ Хотя ты и позаботился к уже существующим тюрьмам прибавить много большее количество новых, они всё же сделались тесны от обилия узников (*δεσμοκτήρια... ὑπὸ πλήθους τῶν δεσμοτῶν στενωχωροῦνται*). Каждый день творится разбой, грабежи и много другого ужаса, всюду слезы и стоны, и нет ни одного пощаженного (*δᾶκρυα πανταχοῦ και κωκυτοὶ και ὁ φειδόμενος οὐδὲ εἶς*).“¹¹⁴ Этот

¹⁰⁹ Miklosich-Müller. Acta, V, p. 124.

¹¹⁰ Ibid., p. 125.

¹¹¹ А. Соловьев и В. Мошин. Грчке новелье српских владара. Београд, 1936, стр. 497.

¹¹² Cantac., III, 46, ed. Bonn., pp. 278—281.

¹¹³ Ibid., p. 279.

¹¹⁴ Ibid., pp. 279—280.

документ, отрывок из которого мы привели, интересен тем, что показывает, до какой степени могли дойти тяжесть обложения и возмущение облагаемого населения, если жителю Дидимотики, потеряв терпение, решились обратиться к самому правителю фемы с обвинениями, составленными в таких резких тонах.

Акты Зографского монастыря, исследованные П. Безобразовым,¹¹⁵ дают много интересного материала о положении монастырских париков, в частности о налоговом обложении. Среди этих актов имеются две писцовые книги, относящиеся, очевидно, к 1320 и 1333 гг. Они содержат поименное перечисление париков, подробную опись участков-наделов (*παροικιαὶ στασεις*) каждого парика и сумму подлежащей к уплате этими париками налогов. Как видно из этой описи, при исчислении налогов учитывались самые разнообразные моменты, как это видно из составленной нами таблицы, в основу которой положены данные из этих описей.

Число членов семьи	Волов	Лошадей	Ослов	Площадь виноградника (в модиях)	Площадь земли (в модиях)	Подать (в иперерах)
1	—	—	—	4	100	3
4	2	3	1	4	13	2 ² / ₃
1	2	1	1	3	25	2 ¹ / ₂
6	2	1	1	5	6	2 ¹ / ₂
5	2	1	1	7	—	2 ¹ / ₂
2	—	—	—	2,5	—	2 ¹ / ₂
5	—	—	—	2	100	2 ¹ / ₂
4	2	1	—	4	—	2
2	1	—	—	6	50	1 ¹ / ₂
4	—	—	—	0,5	1	1
5	—	1	1	2	—	1
1	—	—	—	1 ¹ / ₂ + сад	6	1
4	1	—	1	—	—	1
3	—	1	—	1/3	—	2/3
3	—	—	—	1/2	—	2/3
2	—	—	—	—	8	1/3
3	—	—	—	2	—	1/3
3	—	—	—	—	—	1/3
4	—	—	1	—	—	1/3
5	—	—	1	—	—	1/3
2	—	1	—	—	—	1/6

Мы хотим показать только еще одну таблицу. В 1323 г. императорский чиновник, подписи которого не сохранилось на документе, передает иеромонаху Камнину треть владения в Мамнице,¹¹⁶ причем передается также и треть доходов с этого владения (*κα: παραδεδωκα, ἀπὸ τῆς εὐσεδείης ὅλης ποσότητος τοῦ εἰρημένου ὅλου χωρίου τὴν τρίτην μερίδα*).¹¹⁷ Здесь совершенно недвусмысленно подчеркивается, что предоставление права на получение налогов с земли является прямым следствием

¹¹⁵ П. Безобразов. Об актах Зографского монастыря. Виз. Врем. XVII (1910), СПб., 1911, стр. 403—414. Расхождение в годах объясняется тем, что том фактически вышел в 1911 г.

¹¹⁶ L. Petit et B. Korablev. Actes de l'Athos V; Actes de Chilandar. Виз. Врем. XVII (1911), приложение, стр. 194—198.

¹¹⁷ Ibid. p. 194.

пожалования владения. В документе поименно перечисляются парики этого владения и приводится перечень их имущества и причитающихся с них налогов, которые мы сводим в таблицу.

Число членов семьи	Площадь виноградника (в модиях)	Площадь земли (в модиях)	Налог (в номисмах)	Число членов семьи	Площадь виноградника (в модиях)	Площадь земли (в модиях)	Налог (в номисмах)
3	2 ¹ / ₃	50	2	1	—	3	1 ¹ / ₄
2	—	80	2 ¹ / ₂	3	—	33	1
4	—	18	1 ¹ / ₂	4	1	30	1
4	6	104	3	2	1 ¹ / ₃	25	1
5	1	60	2	3	3 ¹ / ₃	81	3
4	1	27	1 ¹ / ₃	6	8	70	4
2	—	15	1 ¹ / ₂	4	4 ¹ / ₃	50	2 ¹ / ₂
5	5	74	3 ¹ / ₂	3	—	18	1 ¹ / ₂
2	2	55	2	3	2	14	1
2	1	55	2	5	3 ¹ / ₄	76	2 ¹ / ₂
2	3 ¹ / ₂	16	1	4	1 ¹ / ₂	20	1
2	1 ¹ / ₂	28	1	3	4	110	4
7	2 ¹ / ₃	85	3	3	—	14	1 ¹ / ₂
4	—	15	1 ¹ / ₂	5	—	80	2 ¹ / ₂
5	4	74	3	3	1 ¹ / ₂	50	2

П. Безобразов исследовал также¹¹⁸ материал по налоговому обложению, содержащийся в Патмосской писцовой книге.¹¹⁹ Этот документ был составлен по поручению императора Михаила VII Дуки (1071—1078) и дан им его двоюродному брату Андронику Дуке. Писцовая книга охватывала, кроме усадебного имущества (οικοτροβειων) Вари, еще имения (πραβστηα) Олиф, Гамма и Вервумиди, затем имения Меланий, Меандракл с Прином и Галаиде. Писцовая книга содержала поименное перечисление париков, живших в этих владениях, перешедших к Патмосскому монастырю, разряды, к которым принадлежали эти парики (зевгаратные, воидатные и т. д.). В документе поименно перечислялись члены семьи париков, количество принадлежавшего им рогатого (крупного и мелкого) скота и указывалась сумма налога, которую эти парики обязаны были выплачивать.

Чтобы разобраться в системе налогового обложения, Безобразов сопоставил данные Патмосской писцовой книги с данными Хиландарского практика,¹²⁰ который был исследован Ф. И. Успенским и содержал размеры земельных наделов облагаемых париков. Мы не будем приводить составленных Безобразовым таблиц по этим документам, но если сравним данные, приведенные у него, с составленной нами таблицей, то убедимся, что наши выводы о порядке обложения получают подкрепление в материале, рассмотренном Безобразовым. Именно все эти данные позволяют нам с большой уверенностью утверждать, что на установление размера налога влияло количество членов семьи облагаемого парика. Это в качестве предположения высказывалось и П. Безобразовым,¹²¹ но рассмотрение большого количества данных позволяет

¹¹⁸ П. Безобразов. Патмосская писцовая книга. — Виз. Врем. VII (1900), вып. 1—2, стр. 68—106.

¹¹⁹ Miklosich-Müller. Acta, VI, pp. 4—15.

¹²⁰ П. Безобразов. Назв. соч., стр. 87—97.

¹²¹ Там же, стр. 95.

определенно говорить о том, что состав семьи являлся одним из основных элементов при определении размера подати.

Рассмотренный Безобразовым документ интересен еще и тем, что позволяет подойти к исследованию вопроса о размере ренты за пользование землей, которую должны были платить зависимые крестьяне. Ограничившись одним-двумя документами, Безобразов не мог определить ни размера ренты, ни принципа его установления. Расширение привлекаемого материала позволяет прийти к определенному выводу о том, что размер ренты являлся величиной, зависимой от величины крестьянского участка. Небольшое количество документов, которое и в настоящее время имеется в распоряжении исследователя, не позволяет точно установить соотношение между размером земельного участка и величиной ренты, однако можно считать, что рента в поздне-византийское время была весьма высока и составляла в среднем 1 номисму с 5—6 модиев земли, тяжело ложась на зависимых крестьян.

В издании Афонских актов, относящихся к монастырю Эсфигмена,¹²² встречается любопытный *πραξιόν* XIV в. Константина Пергамена, *ἀρχιγράφος* Фессалоникской фемы. Этот документ содержит чрезвычайно интересное перечисление налогов и большое количество подробностей налогового обложения. Мы даем перевод отрывка из этого впервые переведенного нами на русский язык документа, так как содержащиеся в нем сведения могут расширить наши представления о положении византийского крестьянства: „Всего с населения указанных владений 388 номисм. Вместо помощи живой силой — 18 номисм. За подушную — 20 номисм. Со стада свиней — 40 номисм. Вместо десятины со свиного стада и налога с пчелиных ульев — 18 номисм. С различных построек в селе Враста — 12 номисм и 4 коккия. С расположенных там виноградников на 13 модиях — 2 номисмы. С виноградников, за исключением виноградника Андроника, — 1 номисму. С другого владения за виноградники в участке Ксени — $1\frac{1}{2}$ номисмы. С находящейся на р. Рентине мельницы — 2 номисмы. За садовую ограду на участке в 4 модия — $1\frac{1}{2}$ номисмы. С поголовья скота на этом же участке — 2 номисмы. С земли на этом владении размером 3 тысячи модиев, за исключением земли, данной парикам, — 60 номисм. За проведенный там праздник св. Николая (пропуск в рукописи)... номисм. С виноградника в Крусово размером 20 модиев, в котором 2 ореховых дерева, 2 миндальных, 13 смоковниц — 5 номисм. С различных виноградников, расположенных на участке Клептулии в 2 модия, на котором 1 ореховое дерево, 4 смоковницы, 2 миндальных дерева, и с участка ее зятя Пакуриана в 4 модия, на котором 3 смоковницы, и с участка Гаврилопула в 3 модия, в котором 1 ореховое дерево, — 3 номисмы. За мельницу на р. Стримоне — 2 номисмы. А за землю всего в 380 модиев — 60,5 номисмы. С виноградников на владениях монастыря, называемого Лемин, около 3 модиев, на котором 1 ореховое дерево, 8 деревьев кидонийских яблок, от Арги 1 модий, 1 ореховое дерево и от Феофана 2 модия — $1\frac{1}{12}$ номисмы. С водяной мельницы на Эсобе — 2 номисмы. А с находящихся там 4 ореховых деревьев — 3 номисмы. За землю в Ахиане размером 2300 модиев — 46 номисм. С виноградников на участке в Стефании размером 15 модиев — 3 номисмы. С различных виноградников на луговых участках размером 5 модиев — 1 номисму. С двух участков сада в 8 модиев, на которых 13 ореховых деревьев, 10 миндальных — 3 номисмы. За землю

¹²² L. Petit et W. Regel. Actes de l'Athos, III. Actes d'Esphigmenou. — Виз. Врем. XII (1906), приложение, стр. XV—XVII.

на этих же участках в 60 модиев — 1 номисму. За находящуюся там мельницу — 2 номисмы. За состоявшийся праздник св. Георгия — 1 номисму. За виноградники на участке Портареа, размером 7 модиев — $1\frac{1}{2}$ номисмы и на луговых участках в 5 модиев — $1\frac{1}{4}$ номисмы. За виноградный участок во владении св. Маманта в 6 модиев — $1\frac{1}{2}$ номисмы. А за всю землю во владении Портареа в 2100 модиев, не считая розданной парикам, — $14\frac{1}{2}$ номисмы. А за землю в Праулаке вокруг башни монастырской в 180 модиев — $3\frac{1}{2}$ номисмы. Там же за виноградники в 6 модиев — 1 номисма. За виноградники на участке Перисса — $\frac{1}{2}$ номисмы. Этот же монастырь имеет на р. Стримоне владение, называемое Париакон; в нем виноградника 4 модия и земли 200 модиев — 5 номисм. И в катепанстве Эрмилиа владение в честь нашей богоматери Ахридской, которое имеет виноградник в 3 модия, с деревьями, осенью дающими плоды. За них 380 номисм, а всего 500 номисм¹²³. Заканчивая этот длинный перечень, ἀναγραφείς делал указание, что половина податей должна быть внесена в сентябре, а другая половина — в марте. Большое место, которое мы заняли переводом этого отрывка, оправдывается яркостью содержащегося в нем материала, характеризующего тяжесть налогового обложения византийского крестьянства.

Отметим еще простагму, относящуюся, очевидно, к началу XIII в., дуке Фракиеской фемы Константину Ласкару.¹²³ Ему предписывалось произвести перепись париков владения Милы монастыря Лемвиотиссы для того, чтобы пересмотреть их категории и отнести их к соответствующим разрядам — зевгаратных, воидатных и др. Перепись имела целью проверить имущественное положение каждого парика (κατὰ τὴν ἐκάστου εὐπορίαν καὶ δύναμιν), установить налоги и повинности, которые должны были быть вновь записаны за каждым париком (τὸ ἡγαλοῦν τῷ ζευγαράτῳ καὶ τῷ βοιδάτῳ παροικικὸν τέλος καὶ τὴν δουλείαν αὐτοῦ). Эти налоги и остальные паричские повинности, по повелению императора, передавались в распоряжение монастыря (πρὸς τὸ μέρος τῆς μονῆς... τελέσματα καὶ λοιπὰ παροικικὰ βάρη).

IV. СУДЬБА СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ

Мы видели, что прикрепление к земле, лишение права свободного перехода из одного владения в другое, характеризующие состояние париков, были преобладающими чертами византийского крестьянства в позднее время. Это необходимые условия для того общественного строя, в котором „...необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, принадлежность в настоящем смысле этого слова. Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах возможно, что отношение зависимости имеет политически и экономически не более суровую форму, нежели та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной

¹²³ Miklosich-Müller. Acta, IV, pp. 182—183.

собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей“.¹²⁴

В Византии на протяжении всей ее истории сохранялись отношения, при которых государство было верховным собственником земли. Но в поздне-византийское время, хотя формально эти отношения и сохраняли силу, тем не менее они претерпели коренные изменения. При сохранении юридической формы верховного господства императорской власти над всем земельным фондом империи отношения между центральной государственной властью и крупными земельными собственниками — феодалами подверглись коренному изменению. Феодалное владение превратилось в самодовлеющий в административно-хозяйственном отношении аппарат, почти независимый от центральной государственной власти. Этому аппарату оказывало сопротивление лишь общинное владение, о котором говорил К. Маркс в приведенном нами выше высказывании. Поэтому, чтобы закончить этот раздел о судьбах византийского крестьянства в эпоху Палеологов, нам остается рассмотреть вопрос о византийской общине в поздней Византии.

Вопрос о византийской сельской общине долгое время был одним из центральных вопросов, которыми занимались русские исследователи, изучавшие аграрную историю Византии. Советские ученые уделяли большое внимание проблеме влияния свободной славянской общины на общественный строй Византии. Большую роль в разработке вопроса о конкретных формах влияния славянской общины на социально-экономическое развитие Византии сыграли исследования Е. Э. Липшиц, основные положения которых она докладывала на заседаниях Отделения истории и философии АН СССР в 1945 и 1946 гг., посвященных вопросам византиноведения, и опубликовала в виде статей в органах советской исторической науки.¹²⁵

Мы разобрали выше положения Б. А. Панченко о личной собственности византийского крестьянства. Этими положениями он отрицал общинный характер византийского крестьянского землевладения. Эта его теория не получила признания в науке и прозвучала как высказывание одиночки. Из современных буржуазных ученых частично этой теории придерживается Г. А. Острогорский. Не отрицая абсолютно византийской сельской общины, Острогорский признает наличие в Византии лишь совокупности крестьянских хозяйств, организованных государством в виде „податного отделения“ для удобства налогового обложения.¹²⁶

По мнению Острогорского, государство налагало на такое податное отделение общую подать, которая потом распределялась между отдельными крестьянскими хозяйствами.¹²⁷ Община в Византии, по Острогорскому, есть „финансово-административная единица, а не органическое хозяйственное образование, подобно общине славянской или

¹²⁴ К. Маркс. Капитал, т. III, гл. 47, стр. 695.

¹²⁵ Е. Э. Липшиц. Выступление на пленуме ГАИМК в июне 1933 г. — Изв. ГАИМК, т. III, вып. I. Основные проблемы генезиса и развития феодалного общества. 1934, стр. 308—315; е е же: Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным „Земледельческого закона“). — Виз. сб. М.—Л., 1945, стр. 96—143; е е же: Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. — Виз. Врем., I (XXVI), 1947, стр. 144—163.

¹²⁶ Б. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. — Вопросы истории, 1945, № 3—4, стр. 137.

¹²⁷ Г. Острогорский. Византийский податный устав. Recueil Kondakoff. Сб. ст., посв. памяти Н. П. Кондакова. Praha, 1926, стр. 109—124; е е же: Die ländliche Steuergemeinde des byz. Reiches im X. Jahrh. Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, XX (1927), SS. 1—108.

германской".¹²⁸ Эта проблема получила правильное разрешение лишь в трудах советских византинистов. Нашей задачей при рассмотрении этого вопроса является проследить судьбы византийской сельской общины в позднее время.

До Ф. И. Успенского в науке общераспространен был взгляд о том, что византийская община погибла к XI—XII вв. под ударами крупного феодального землевладения. Важным результатом исследовательской работы Ф. И. Успенского было установленное им положение, что община и свободное крестьянское землевладение продолжали существовать в XII—XV вв. и даже пережили Византийскую империю. Это положение заставляет исследователя, изучающего особенности поздне-византийского феодализма, рассмотреть на конкретных примерах судьбы византийской общины в позднее время.

В своей работе о крестьянском землевладении в Византии Ф. И. Успенский высказал мнение, что латинское завоевание „дало внушительный урок византийским государственным людям и побудило их снова подать руку крестьянской общине, когда наступила необходимость искать опоры не в западном флоте или в латинских служилых людях, а в народе. В тех областях, которые оказались под властью латинских рыцарей, феодальное право вытеснило обычное византийское право; напротив, там, где утвердились во владении византийские бояре, например, в Никее и Эпире, там опять возобладало славянское право, и крестьянская община получила новые гарантии и обеспечения“.¹²⁹

Мы привели эту длинную выдержку потому, что с выставленными здесь положениями нельзя согласиться. Мы считаем тем более необходимым остановиться на разборе этих положений, что они были восприняты некоторыми другими исследователями и не подвергались пересмотру в работах советских византинистов. Так, например, И. И. Соколов, механически повторяя выводы Ф. И. Успенского, писал, что существование Эпирского деспотата и Никейской и Трапезунтской империй объяснялось исключительно тем, что византийские государственные деятели „нашли опору в трудящихся народных массах и покровительствовали крестьянской общине. Такой же политики отчасти держались после восстановления Византийской империи (1261 г.) и Палеологи (разрядка моя — Б. Г.), приняв в учет уроки латинского завоевания и минувшего переходного периода в судьбе империи“.¹³⁰

В этих высказываниях неверно всё, с самого начала до конца. Из предшествующего изложения совершенно очевидно, что Палеологи, наоборот, не извлекли никаких уроков ни из латинского завоевания, ни из общественных отношений „переходного периода“, т. е. периода Никейской империи и Эпирского деспотата. Палеологи пришли к власти как представители крупного феодального землевладения, и их время является, как мы уже показали, „золотым веком“ византийского феодализма. При Палеологах община переносит самые сильные удары, и императоры последней византийской династии никогда не искали опоры в народных массах. Неверно и утверждение Ф. И. Успенского, что в тех областях, которые оказались под властью латинских рыцарей, феодальное право вытеснило обычное византийское право. Это

¹²⁸ Г. Острогорский. Византийский податный устав, стр. 112.

¹²⁹ Ф. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. — ЖМНП, февраль 1883, стр. 336.

¹³⁰ И. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. — Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук, 1931, стр. 711.

„обычное византийское право“ является правом феодального общества, достигнувшего высших ступеней своего развития. Феодализм в Византии, как неоднократно указывал в своих исследованиях сам Ф. И. Успенский, окончательно развился во всех своих формах при Комнинах, и поэтому феодальному праву Запада не нужно было „вытеснять“ никаких форм общественно-экономического строя на территории Византийской империи, а лишь приспособлять формы западноевропейского феодализма к его византийским формам, которые при всех своих особенностях имели много общего с западными. Это приспособление прошло в Латинской империи легко, причем византийскому общественно-экономическому строю были привиты некоторые специфические формы западного феодализма, и мы видели их отражение в поздне-византийском феодализме. Поэтому, если остатки общинного крестьянства уцелели до самого конца византийской истории, то произошло это не в результате мнимой политики Палеологов, якобы искавших опору в крестьянстве, а вследствие большой силы сопротивления, которую проявила византийская сельская община в ее борьбе с господствующими классами поздне-византийского феодального общества.

Это положение подтверждается даже тем материалом, который изучал Ф. И. Успенский, делая правильные выводы о большой живучести византийской сельской, особенно славянской, общины, которая обнаружила неистощимые внутренние силы в борьбе с враждебными элементами и устойчивость, с которой она держалась против центральной власти в течение многих веков.¹³¹ Поздне-византийские акты показывают нам отчетливые следы этой устойчивой общины в различных областях Византийской империи. В приговоре общины села Дрианувены относительно распределения подати между членами общины¹³² говорится о том, что решение принимается на основе общего мнения и желания устроить всё для общего благополучия (*ἡμεῖς οἱ ἀπαντες ἐπιοικοὶ τοῦ χωρίου τῆς Δριανουβαίνης κοινῇ βουλῇ, γνώμῃ τε καὶ ἀρέσκείᾳ*).¹³³

Постановление общины о принесении дара монастырю Лемвиотиссы мы находим в решении членов общины с. Геника (*ἐκδοτήριον*¹³⁴ *γράμμα παρὰ τῶν ὄλων ἐπιοίκων τοῦ χωρίου Γενικοῦ*). Этот дарственный акт интересен тем, что в нем поименно перечислены все члены общины, его подписавшие. Общины, подписавшие акт, называют землю „нашей землей“ (*ἐν τῇ χώρᾳ ἡμῶν*). Наличие большой общины на о. Кос отмечается в постановлении членов общины (*δέσεις διασημειώτατος τῶν ἐπιοίκων τῆς νήσου Κῶ*).¹³⁵ Совокупность членов общины обозначается в этом акте термином (*τὸ κοινὸν τοῦ λαοῦ*). К 1262 г. относится передаточный акт общины малахиотов (жителей с. Малахия), называемых *τῶν ἐπιοίκων Μαλαχιωτῶν*. К 1293 г. относится *γράμμα ὑποσχετικὸν τῶν ἐπιοίκων τοῦ Νεοχωρίου*,¹³⁶ в котором община этого селения дает обязательство не нарушать границы монастыря Лемвиотиссы. Как и в других актах, эпикки перечислены здесь поименно, с той разницей, что после 13 подписей стоит „и другие“ (*οἱ ἕτεροι*).

Среди всех актов, характеризующих положение общины, особое место занимает хрисовул Андроника II от 1319 г. Янинской жупе-коми-

¹³¹ Ф. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. — ЖМНП, февраль 1883, стр. 351—352.

¹³² Miklosich-Müller. Acta, IV, pp. 391—393.

¹³³ Ibid., p. 391.

¹³⁴ Ibid., pp. 265—265.

¹³⁵ Ibid., p. 184.

¹³⁶ Ibid., pp. 231—232.

туре,¹³⁷ позволяющий выяснить отношение славянской общины к империи в XIV в. Этот акт особенно ценен тем, что в нем имеются неоднократные ссылки на обычное право славянских общин, признание норм этого права, восходящих к VII—X вв. Автономия Янинской жупы-комитурь определена в этом акте во всех своих подробностях. Комитурь имеет собственный суд, общинное войско, права иммунитета в отношении областной администрации, неотчуждаемость общинных земель и других имуществ, освобождение от многих налогов. По этому акту жители Янинской жупы-комитурь не могли привлекаться к воинской обязанности вне пределов своей территории (*οἱ καστρηνοὶ Ἰωαννινοῦται οὐδὲν καταναγκάζονται οὐδὲ καδέλκωνται, ἵνα ἐκδουλεύσωσι στρατιωτικῶς ἐκτός τῆς τοιαύτης πόλεως*).¹³⁸ Права, предоставленные жителям Янины, были распространены также и на евреев, проживавших на этой территории, которые должны были пользоваться одинаковыми правами со всеми остальными эпископами Янины (*ἵνα δὲ εὐρίσκωνται καὶ οἱ ἐν τῇ τοιαύτῃ πόλει Ἰουδαῖοι εἰς ἐλευθερίαν καὶ ἀνενοχλησίαν κατὰ τοὺς λοιποὺς ἐποίκουσ ἀυτῆς*).¹³⁹ Мы не знаем ни одного другого документа эпохи Палеологов, так широко показывающего права византийской сельской общины. Поэтому у нас нет оснований, как это делал Ф. И. Успенский, предполагать, что по этому типу строились вообще отношения славянских комитур к империи. Можно лишь без всякой натяжки считать, что такой акт не мог быть единичным и что наиболее мощные общины добивались у византийского правительства прав, аналогичных тем, которыми располагала Янинская жупа-комитурь.

В. Г. Васильевскому принадлежит заслуга опровержения неправильного вывода Цахарие фон Лингентала об исчезновении десятиноморты после „Земледельческого закона“ иконоборческого периода. В. Г. Васильевский указал, что „если бы почтенный ученый ближе ознакомился с содержанием кодекса (речь идет об акте монастыря Лемвиотиссы. — *В. Г.*), который ему хорошо был известен еще до напечатания, то он увидел бы, что морта продолжала быть очень обычным учреждением и в XIII веке“.¹⁴⁰

Мы сможем теперь сделать этот вывод значительно более широким, распространить его и на XIV—XV вв. византийской истории. Об этом свидетельствует ряд актов, как тех, которые могли быть известны В. Г. Васильевскому, так и изданных после его смерти (1899 г.). В актах этого периода имеются многочисленные указания о взывании с крестьянских общин десятины в пользу светских и монастырских землевладельцев. Эта десятина была определенной данью, уплачиваемой крестьянами-общинниками, известным процентом с урожая в тех случаях, когда они селились на чужой земле с согласия владельца¹⁴¹ и когда монастыри добивались удобного им освещения, придавая своим притязаниям „законный“ и „справедливый“ вид. Термин *τὴν ἀνήκουσαν μορτίν*, неизменно фигурирующий в актах позднего времени, убедительно свидетельствует о том, что морта была обычным, общепризнанным институтом. Еще более убеждает нас в этом тот факт, что в тех случаях, когда крестьяне-общинники освобождались от морты-десятины,

¹³⁷ Miklosich-Müller. Acta V, pp. 77—84.

¹³⁸ Ibid., p. 81.

¹³⁹ Ibid., p. 83.

¹⁴⁰ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. — ЖМНП, июль 1880, стр. 100.

¹⁴¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным „Земледельческого закона“). Виз. сб. М.—Л., 1945, стр. 124—245.

это требовало особой оговорки в императорском указе, неизменно выражавшейся в формуле *ἄνευ δόσεως μωρτῆς*.¹⁴² Заметим еще, что в некоторых случаях в одном и том же документе термин *μωρτή* поясняется термином *δεκατία*. Так, в *γράμμα κρίσεως ἀποκαταστατικόν* пинкерна Рауль о местности Враста¹⁴³ термин *τὴν ἀνήκουσαν μωρτὴν* поясняется в заключительной части акта словами *δεκατίαν ἀπὸ τοῦ τοπίου*. Наличие мурты, этого весьма обременительного вида феодальных повинностей, свидетельствует о том, что, несмотря на всю силу сопротивления, общине византийского крестьянства не удалось до конца ее истории освободиться от самых тяжелых повинностей. Община испытывала все более и более сильные удары со стороны крупного феодального землевладения, со стороны окрепшей и усилившейся в XIII—XV вв. системы проний. Ослабление же общины, постепенно лишавшейся своих прежних прав и преимуществ, шло параллельно с ослаблением самой Византийской империи.¹⁴⁴ Но это ослабление общины и развивавшееся параллельно усиление крупного феодального землевладения являлись основными линиями развития поздне-византийского феодализма.

¹⁴² См., напр., Miklosich-Müller. Acta IV, pp. 293—294.

¹⁴³ Ibid., pp. 419—420.

¹⁴⁴ Ф. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. — ЖМНП, февраль 1883, стр. 360.